

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Джеффри
ДИВЕР

ДВЕНАДЦАТАЯ КАРТА

Один из лучших романов Дивера!
Сюжет настолько извилист, что его можно сравнить
с винтовой лестницей.

Publishers Weekly

Джеффри Дивер
Двенадцатая карта
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Линкольм Райм
и Амелия Сакс», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66560232
Двенадцатая карта : роман / Джеффри Дивер: Азбука; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-20241-2

Аннотация

Прикованный к инвалидному креслу гениальный криминалист Линкольн Райм вместе со своей ученицей и помощницей Амелией Сакс расследуют необычное дело: после неудавшегося покушения наемный убийца продолжает преследовать старшеклассницу из Гарлема. Кто и зачем охотится на обычную школьницу, которая пишет курсовую о своем предке – бывшем рабе Чарльзе Синглтоне, боровшемся за права афроамериканцев? Единственная зацепка, оставленная на месте покушения, – двенадцатая карта Таро «Повешенный». Вместе со своей командой Райм и Сакс пытаются просчитать очередной шаг наемника и вместе с тем выясняют, что же случилось июльской

ночью 1868 года, когда Синглтон был арестован. Какую мучительную тайну он скрывал?

Содержание

Часть I. Человек на три пятых	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	68
Глава 6	89
Глава 7	113
Часть II. Король граффити	127
Глава 8	127
Глава 9	143
Глава 10	172
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Джеффри Дивер

Двенадцатая карта

*Памяти Кристофера Рива, образца мужества,
символа надежды*

*Есть родственники, а есть предки; предков ты
выбираешь сам. На их ценностях строится твоя
личность.*

Ральф Эллисон

Часть I. Человек на три пятых

Вторник, 9 октября

Глава 1

Пот и слезы заливают лицо. Он бежит навстречу свободе, бежит что есть сил.

– Вон он! Сюда!

Бывший раб не знает, откуда донесся крик. Сзади? Слева? Справа? С верхних этажей обветшалых домов по обеим сторонам грязной улицы?

Июльский зной густ, как парафиновое масло. Худой человек прыгает через кучу конского навоза. В этой части города никто не убирает. Рядом с поддоном, высоко заставленным бочками, Чарльз Синглтон останавливается, чтобы перевести дух.

Гремит выстрел. Мимо. Звук переносит его на войну: он, в пыльном синем мундире, ловит на мушку солдат в пыльных серых мундирах, целящихся в него. Бесконечные часы выматывающего безумия.

Быстрее, быстрее. Снова выстрелы, снова мимо.

– Держи его! Пять долларов золотом за поимку!

Однако редкие прохожие – по большей части ирландцы-тряпичники и строительные рабочие – не рвутся ловить дюжжего негра с пугающей решимостью на лице. К тому же обещание награды прозвучало из уст городского констебля, а значит, это всего лишь пустые слова.

У малярной мастерской на Двадцать третьей улице

Чарльз резко сворачивает. Поскальзывается на мокрых брызжниках и с размаху падает на мостовую. Из-за угла появляется верховой полицейский, замахивается дубинкой. В следующий миг...

«В следующий миг?..»

Что же дальше?

Что с ним случилось потом?

Шестнадцатилетняя Женева Сеттл попыталась проверить ручку на аппарате для чтения микрофиш, но безуспешно – она дошла до последнего кадра. Девушка убрала на место кассету со статьей из «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и принялась рыться в пыльной коробке, переживая, что не сможет выяснить дальнейшую судьбу своего предка. По опыту она знала, что исторические архивы, касающиеся американской «черной» истории, далеко не полны, а то и вообще утрачены.

Где же тогда искать продолжение?

Да, вот... Она нашла нужную кассету, аккуратно зарядила ее в старенький аппарат и начала нетерпеливо вращать ручку, ища продолжение статьи об отчаянном побеге Чарльза.

Богатое воображение и читательский опыт помогли оживить сухой репортерский отчет о погоне за бывшим рабом по грязным нью-йоркским улочкам позапрошлого века. Женеву не оставляло чувство, что на самом деле она там и тогда, а не здесь и сейчас – почти сто сорок лет спустя, в библиотеке на

безлюдном пятом этаже Музея афроамериканской истории и культуры на Пятьдесят пятой улице в центре Манхэттена.

Она крутила ручку, глядя, как на экране мелькают зернистые кадры, и в конце концов наткнулась на статью под заголовком:

ПОЗОР!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКА

**ВETERAN ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЧАРЛЬЗ
СИНГЛТОН ПРЕДАЕТ НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО
СВОИМ ВОПИЮЩИМ ПОСТУПКОМ**

Статью сопровождала фотография двадцативосьмилетнего Чарльза Синглтона в форме солдата Гражданской войны. Рослый, с большими руками, плотно облегающий мундир подчеркивает могучую мускулатуру. Толстые губы, высокие скулы, кожа довольно темная.

Вглядевшись в не улыбочивое лицо и спокойные пронзительные глаза, Женева решила, что между ними определенно есть сходство. Форма головы, черты лица, насыщенный оттенок кожи. Хотя сложением они отличались просто разительно. Женева Сеттл – настоящая худышка – крысеньш, как обзывали ее девчонки из квартала Делано.

Она как раз собралась читать дальше, когда послышался непонятный шум.

Какой-то щелчок в помещении за спиной. Дверной шпингалет? Раздались и замерли чьи-то шаги. Еще шаг. И опять тишина.

Женева обернулась, но никого не увидела.

Ощувив холодок страха, она тут же постаралась взять себя в руки. В излишней нервозности виноваты дурные воспоминания, и только. Как, например, драки с девчонками из квартала Делано во дворе за школой или тот раз, когда Тония Браун со своей бандой из квартала Сент-Николас затащили ее в переулок и отколошматили так, что выбили коренной зуб. Мальчишки могли облапать, мальчишки могли унижить, но кровь пускали девчонки.

А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!..

Снова шаги – остановка.

И тишина.

Мрачная, затхлая, молчаливая – сама атмосфера этого места не способствовала успокоению. Вдобавок во вторник, в четверть девятого, здесь не было ни души. Туристы еще спали или только усаживались завтракать, поэтому официально музей был закрыт, но библиотеку открывали в восемь. Женева уже ждала, когда пришли отпирать двери, – так ей не терпелось прочесть эту статью. Сейчас она сидела в кабинке в конце большого зала, уставленного безликими манекенами в одеждах девятнадцатого столетия и увешанного картинами: мужчины в причудливых шляпах, женщины в чепцах, лошади на тонких ногах.

Еще шаг – тишина.

Может, уйти? Посидеть пока с библиотекарем – доктором Бэрри? Дождаться, когда этот крадущийся ублюдок отсюда

свалит?

Невидимый посетитель за спиной усмехнулся.

Веселый такой смешок, ничего жуткого.

Затем донесся голос:

– Отлично. Я еще позвоню.

Хлопнула крышка мобильного.

Теперь ясно, почему он все время останавливался – просто слушал, что говорит собеседник на другом конце.

Ну вот, подруга, не стоило волноваться. Когда люди смеются или болтают по сотовому, они не опасны. Он шагал медленно, потому что все так делают, когда разговаривают по телефону. Хотя каким надо быть уродом, чтобы пользоваться мобильником в библиотеке?

Женева повернулась обратно к экрану: «Ну что, Чарльз, сумел ты от них уйти? Очень надеюсь».

Однако беглецу удалось вскочить; вместо того чтобы мужественно признать свой проступок, он трусливо побегал дальше.

«Вот тебе и объективное освещение», – со злостью подумала девушка.

На какое-то время он оторвался от преследователей. Но его преимущество оставалось недолгим. Негр-коммивояжер заметил беглеца с порога одного дома и призвал того остановиться во имя торжества справедливости, присовокупив, что осведомлен о преступлении мистера Синглтона, бро-

сающем тень на всех цветных гражданах страны. После чего добропорядочный сын своей нации, некто Уокер Лоукс, швырнул в мистера Синглтона кирпич. Однако...

Чарльз увертывается от запущенного в него снаряда и, обернувшись к коммивояжеру, кричит: «Я невиновен! Я не делал того, в чем меня обвиняют!»

История вновь захватила воображение Женевы, и документальная хроника ожила в красках.

Лоукс не вникает в оправдания вольноотпущенника. Он выбегает на середину улицы и зовет полицейских, кричит, что беглец направляется к докам.

Сердце Чарльза обливается кровью, из головы не выходит образ жены Вайолет и сына Джошуа, но он продолжает бежать.

Летит, не жалея ног, в отчаянном рывке к свободе.

За спиной слышен галоп конной полиции. Впереди тоже показывается группа всадников с офицером во главе. В руке у него пистолет.

– Стой! Стой! Ни с места, Чарльз Синглтон! Я капитан-детектив Уильям Симс. Второй день тебя ищу!

Вольноотпущенник подчиняется. Его широкие плечи опущены, мускулистые руки повисли, грудь тяжело вздымается каждый раз, как он со свистом втягивает влажный вонючий воздух Гудзона. Рядом контора буксирщиков, а на реке в обе стороны, насколько хватает глаз, торчат жерди мачт. Их сотни, и каждая манит обещанием свободы. Все

еще задыхаясь, Чарльз приваливается к большому щиту с рекламой почтовой компании «Свифтшур экспресс». Смотрит на приближающегося полицейского, слушая громкое цоканье копыт о булыжники мостовой.

– Чарльз Синглтон, ты арестован по обвинению в грабеже. Либо сдашься сам, либо мы тебя скрутим. Так и так окажешься в кандалах. Будешь рыпаться – пеняй на себя.

– Меня обвинили в преступлении, которого я не совершал.

– Повторяю: сдавайся или умри. Другого выбора у тебя нет.

– Нет, сэр. У меня еще есть выбор! – выкрикивает Чарльз и бросается в сторону дока.

– Стой! Стрелять буду! – кричит вдогонку детектив Симс.

Но беглец перескакивает через поручни пирса – так скакун атакующей конницы берет частокол. На мгновение он как будто замирает в воздухе, затем кувырком обрушивается в мутные воды Гудзона, что-то неразборчиво бормоча: может, возносит молитву Иисусу или клянется в любви жене и ребенку. Никто из преследователей не слышит, что это за слова.

В пятидесяти футах от аппарата для чтения микрофиш сорокаоднолетний Томпсон Бойд еще чуть ближе продвинулся к девушке.

Натянув на лицо вязаную спортивную шапочку, он подогнал прорези по глазам и убедился, что барабан револьвера

не заклинивает. Все уже проверено, но в таком деле лучше перестраховаться. Засунув револьвер в карман, он вытащил из-под плаща увесистую дубинку.

Томпсон стоял за книжными стеллажами, отделяющими его от столов с аппаратами для чтения микрофишей. Пальцами в латексных перчатках он надавил на глаза, в которых сегодня с утра была особенно острая резь, и заморгал от боли.

Потом огляделся, в очередной раз убеждаясь, что вокруг никого.

Никакой охраны – что здесь, что внизу на входе. Ни одной камеры наблюдения или журнала для записи посетителей. Замечательно. Хотя без мелких накладок не обошлось. В помещении царила гробовая тишина, и Томпсону не удалось скрыть от девушки свое приближение. Она наверняка уже знает, что в зале есть кто-то еще, и могла насторожиться. Поэтому, войдя в это крыло библиотеки и заперев за собой дверь, он сразу же отчетливо хохотнул.

Томпсон Бойд перестал смеяться несколько лет назад, но, как истинный мастер своего дела, отлично знал, в чем сила хорошего настроения и как его можно использовать. Достаточно коротко усмехнуться, произнести пару приятных прощальных слов, щелкнуть крышкой мобильного, и жертва успокоится.

Уловка, похоже, сработала. Девушка сидела, уставившись на экран, быстро сжимая и разжимая руки, явно взволнован-

ная чтением.

Бойд еще на несколько шагов сократил расстояние.

И снова замер, услышав, как она отодвигается от стола, скрипя ножками стула по линолеуму. Затем раздались шаги. Неужели уходит? Нет. Судя по звукам, она включила питьевой фонтанчик и сделала несколько глотков. Затем, сняв с полок книги, стопкой поставила их на стол. После короткой паузы жертва вернулась к полкам, чтобы выбрать еще несколько книг. Глухое «бух», и вторая кипа легла на стол. Наконец стул снова скрипнул, когда она усаживалась. Затем тишина.

Томпсон выглянул из-за полок. Девушка сидела и читала одну из дюжины книг, которые нагромоздила перед собой на столе.

Держа в левой руке пакетик с презервативами, перочинным ножом и мотком клейкой ленты, а правой сжимая дубинку, Томпсон пошел вперед.

Теперь он подкрадывался к ней из-за спины, все ближе и ближе – двадцать футов, пятнадцать.

Десять футов. Теперь, даже если она вскочит и побежит, он сможет ее достать: выбьет колено или оглушит ударом по голове.

Восемь футов, пять...

Он остановился и беззвучно положил «набор насильника» на соседнюю полку. Поудобнее обхватил рукоять и высоко занес для удара полированную дубовую битую.

Девушка увлеченно читала, не подозревая о нависшей опасности.

Томпсон со всей силы обрушил биту на обтянутую вязаной шапочкой голову девушки. Оглушительный хруст... Удар болью отозвался в руках.

Но что-то в звуке и ощущении от контакта было неправильно.

В чем дело?

Томпсон Бойд отскочил назад, глядя, как тело падает на пол... и разваливается на части.

Торс манекена повалился в одну сторону, голова в другую. Какое-то мгновение Томпсон завороченно смотрел перед собой. Затем повернул голову и увидел нижнюю часть манекена с накинутым на нее бальным платьем – одним из экспонатов выставки женской одежды периода после Гражданской войны.

О нет...

Каким-то образом догадавшись, что он представляет угрозу, девушка сделала вид, будто берет с полки книги, а на самом деле разобрала манекен, напялила на него свой свитер и шапочку и усадила все это за стол.

Но где же она сама?

Вместо ответа Томпсон Бойд услышал быстрые шаги, удаляющиеся в сторону пожарного выхода. Сунув дубинку под плащ, он выхватил револьвер и бросился вдогонку.

Глава 2

Женева Сеттл бежала. Спасалась бегством. Как ее предок Чарльз Синглтон. Хватая ртом воздух. Как Чарльз.

Увы, она не могла похвастаться тем достоинством, с каким ее предок держался во время погони сто сорок лет назад. В бешеной панике, всхлипывая и зовя на помощь, Женева налетела на стену, ободрав тыльную часть руки.

Держи крысеньши! Вон она, вон она! Костлявая сучка!

Мысль о лифте пугала: настоящая западня. Девушка метнулась к пожарному выходу, с разбега открыла плечом дверь. От удара Женева задохнулась, перед глазами сверкнула желтая вспышка. Не сбавляя скорости, девушка выскочила на площадку четвертого этажа и дернула ручку на себя. Но двери запасных выходов с лестницы не открываются – надо бежать на первый этаж.

Ловя ртом воздух, она понеслась вниз по ступенькам, думая: «Ну почему? Что ему надо?»

«Костлявая сучка на нас и смотреть не хочет...»

Пистолет... Вот что ее насторожило. Женева Сеттл с бандитами не водилась, однако нельзя учиться в школе имени Лэнгстона Хьюза, в самом сердце Гарлема, и ничего не знать об оружии. Когда раздался щелчок – совсем не как от закрываемого мобильного, – она сразу подумала, что своим благодушным смехом мужчина просто пытается ее обмануть.

Готовая в любой момент броситься наутек, Женева сделала вид, будто направляется к питьевому фонтанчику. Сквозь книжные полки она заметила голову с натянутой на лицо лыжной маской. Поняв, что если не удержать его внимание на столике с аппаратом для микрофиш, то проскочить к двери не удастся, она с грохотом бросила на стол прихваченные с собой книги, передела ближайший манекен в свой свитер и шапочку и усадила куклу на стул. Потом стала ждать, когда он приблизится; и как только он подошел – проскользнула мимо него к выходу.

Накати ей! Вздуй эту сучку!..

Женева оставила позади очередной этаж.

Сверху раздался звук бегущих шагов. Господи Иисусе! Он ее нагонял! Тоже нырнул на лестницу и теперь был всего в одном пролете у нее за спиной. Чувствуя, как от усилий деревенеют ноги, поддерживая саднящую руку, Женева неслась вниз по ступеням, но шаги преследователя раздавались все ближе.

В самом низу она проскочила сразу четыре ступеньки и, неловко приземлившись, налетела на шершавую бетонную стену. Морщась от боли, девушка с трудом поднялась на ноги; шаги сверху приближались, по стене шахты скакала тень.

Женева бросилась к двери и оторопела, увидев обмотанный цепью засов.

О нет-нет-нет... Цепи на дверях пожарного выхода запрещены, но это не значит, что служащие музея не воспользу-

ются ими для защиты от воров. А может, преследователь заранее намотал цепь, чтобы перекрыть ей выход. И вот она здесь – в темной каменной западне. Но что, если цепь только для вида?

Есть только один способ узнать, подруга!

Разбежавшись, Женева толкнулась в створку.

Дверь распахнулась.

Слава тебе...

Внезапно уши наполнил оглушительный рев, полоснул болью по сердцу. Женева закричала. Неужели ей прострелили голову? Нет, всего лишь сигнализация зашлась воем почище, чем Кишины малолетние братцы. Вот и улица. Захлопнув за собой дверь, девушка огляделась, решая, куда бежать – направо, налево...

А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!..

Бросилась направо, на Пятьдесят пятую улицу, и нырнула в толпу спешащих на работу людей. Кто-то взглянул на нее с тревогой, кто-то с опаской, большинство же просто не обратили внимания. Снова взвыла сирена – это преследователь выскочил из дверей. Он попытается скрыться или продолжит погоню?

Женева бежала по улице в сторону Киш, которая стояла на краю тротуара со стаканчиком кофе в одной руке, а другой пыталась зажечь на ветру сигарету. У ее одноклассницы были темная, цвета мокко, кожа, аккуратный лиловый макияж и целый каскад светлых нарощенных косичек. Ровесни-

ца Женева, Киш была на целую голову выше, с округлыми упругими формами, округлыми там, где надо: большие груди, широкие бедра, немного жирка. Она ждала Женеву на улице, так как музеи ее не интересовали, как, впрочем, и любые другие здания, где запрещалось курить.

– Жен! – Киш швырнула бумажный стаканчик на дорогу и бросилась навстречу подруге. – Чего стряслось? На тебе лица нет.

– Там... в библиотеке... – У Женева перехватывало дыхание, к горлу волной подкатывала тошнота. – Один тип... на меня напал.

– Вот хрень! – Лакиша резко обернулась. – Где он?

– Не знаю... бежал вдогонку...

– Спокойно, подруга. Надо отсюда валить. Давай-ка бегом.

Рослая одноклассница, которая давно прогуливала физику и уже два года как курила, запыхтела рядом с Женевой, ритмично взмахивая руками.

Они успели пробежать полквартала, когда Женева, постепенно сбавляя темп, остановилась.

– Бросай якорь, подруга.

– Да ты с ума спятила, Жен?

Паника отпустила, и на смену пришло новое чувство.

– Бежим, подруга! – Киш задыхалась. – Шевели задницей!

Но Женева Сеттл уже все решила. Ее страх перешел в злость: «Ну нет, просто так этот подлец не отвертится». Она

посмотрела вдоль улицы в одну сторону, в другую и, увидев то, что искала – как раз у входа в переулок, откуда минуту назад неслась со всех ног, – без колебаний зашагала обратно.

Оказавшись примерно в квартале от музея посреди толпы спешащих на работу людей, Томпсон Бойд перешел с бега на быстрый шаг. Он был средним во всех отношениях человеком: среднего роста и веса, среднего телосложения, средней физической силы. Даже волосы были средне-каштанового оттенка. (В тюрьме ему прилепили кличку «серый статист».) Окружающие часто его просто не замечали.

И все же бежать в центре города, если, конечно, не ловишь автобус или такси, – значит притягивать к себе лишние взгляды. Поэтому Бойд сбавил темп и вскоре полностью растворился в толпе.

У перехода на перекрестке Шестой авеню и Пятьдесят третьей, дожидаясь зеленого сигнала светофора, он быстро обдумал сложившуюся ситуацию и принял решение. Сняв с себя плащ, перекинул его через руку – так, чтобы не пришлось далеко лезть за оружием, – развернулся и зашагал обратно к музею.

Томпсон Бойд никогда не отступал от прописных истин своего ремесла. Казалось бы, глупо возвращаться на место неудавшегося покушения – туда наверняка уже подтягивается полиция. Однако люди особенно уязвимы, когда вокруг полно полицейских. Нередко в такой ситуации к чело-

веку можно подобраться поближе. Неотличимый от остальной толпы, «серый статист» Томпсон Бойд вновь направился к Музею афроамериканской истории.

Некоторые вещи иначе как чудом не назовешь.

Где-то в мозгу или в теле в ответ на мысленный или физический раздражитель – захотелось чего-нибудь выпить, или руку обожгла горячая сковородка – рождается нервный импульс, передающийся по оболочкам нейронов от одной клетки к другой. Вопреки расхожему мнению этот импульс не электрический ток, а волна возбуждения, которая складывается из кратчайших перепадов потенциала на поверхности нервных клеток. Скорость ее распространения высока – около ста двадцати метров в секунду, а сила возбуждения всегда неизменна – сигнал либо есть, либо его нет.

Когда нервный импульс достигает цели – мышц, желез, органов, – он вызывает ответ, заставляя сердце сокращаться, легкие – качать воздух, тело – танцевать, руки – двигаться, писать любовные письма, управлять космическим кораблем.

Это ли да не чудо?

Но что, если произошел сбой? Что, если ты осматривал место убийства в строящейся подземке и на тебя обрушилась балка, переломив шейный отдел всего в четырех позвонках ниже основания черепа, как это случилось с главой опергруппы Линкольном Раймом несколько лет назад?

Когда такое происходит, любые прогнозы теряют смысл.

Даже если спинной мозг остается цел, кровоизлияние в месте удара вызывает сдавливание и голодание нервных клеток. Положение усугубляется тем, что, отмирая, нейроны по неясным причинам выделяют токсичную аминокислоту, которая разрушает соседние клетки. В конце концов, если пациент выживает, поврежденные клетки оказываются намертво замурованы рубцовой тканью. И «намертво» – не преувеличение. Потому что в отличие от нейронов периферической нервной системы клетки головного и спинного мозга не восстанавливаются. Отмирая, они утрачиваются навсегда.

Бывает, что у некоторых пациентов после такого «критического события», как это тактично именуют врачи, нервные клетки, контролирующие жизненно важные органы, например сердце и легкие, продолжают функционировать, давая счастливицам возможность жить дальше.

Вот только уместно ли тут говорить о везении?

Многие предпочли бы сразу умереть, чем страдать от бесконечных судорог, инфекций и пролежней. Добавьте сюда приступы вегетативной дисрефлексии, которые нередко заканчиваются инсультом; необъяснимые фантомные боли, от которых не избавляет ни аспирин, ни морфий...

А стоит ли говорить, как переворачивается вся твоя жизнь – все эти физиотерапевты, сиделки, респираторы, катетеры, памперсы... беспомощность и, конечно, депрессия.

Некоторые, оказавшись в таком положении, просто сдаются и мечтают о смерти. Самоубийство, конечно, выход, хотя

и не всегда легкий. (Попробуйте покончить с жизнью, если всего-то и можете, что пошевелить головой.)

Другие продолжают бороться.

– Может, достаточно? – спросил Райма стройный молодой человек, одетый в слаксы, белую рубашку и бордовый галстук в цветочек.

– Нет, – прозвучал в ответ запыхавшийся голос. – Хочу еще покрутить.

Райм был пристегнут ремнями в седле хитроумного тренажера, установленного в одной из пустующих спален на втором этаже его дома по Сентрал-Парк-Уэст.

– А по-моему, тебе хватает, – парировал Том, его санитар-помощник. – Крутишь педали уже больше часа. Пульс скоро зашкалит.

– Всего лишь въезжаю на Маттерхорн. Я – Лэнс Армстронг¹, – пропыхтел Райм.

– Маттерхорн не входит в число этапов на «Тур де Франс». Это гора, и на нее можно взобраться, но не на велосипеде.

– Спасибо за справку, Том. Я говорил фигурально. Далеко я укатил?

– На двадцать две мили.

– Сделаем еще восемнадцать.

– Ну уж нет, не больше пяти.

¹ *Лэнс Армстронг* – американский велосипедист. После лечения от рака семь раз выиграл «Тур де Франс». В 2012 году пожизненно дисквалифицирован за применение допинга.

– Восемь, – не уступал Райм.

Его статный молодой помощник только поднял бровь.

– Ну хорошо.

Райму и нужно было лишь восемь. Он ликовал. Побеждать было его кредо.

Велогонка продолжалась. Мышцы приводили педали в движение – все так, однако эта деятельность сильно отличалась от обычной езды на велотренажере. Источником раздражителя, от которого по нервам распространялись импульсы, был не мозг Райма, а компьютер, связанный с мышцами его ног посредством электродов. Такое устройство называлось эргометрическим ФЭС-тренажером. Функциональная электростимуляция имитирует нервную систему с помощью компьютера, электродов и проводов, посылая в мышцы слабые электрические разряды, заставляя их реагировать так, словно они контролируются мозгом.

Для выполнения повседневных действий, будь то ходьба или пользование инструментами, метод ФЭС применяют редко. По-настоящему он полезен как терапевтическое средство для улучшения состояния пациентов с серьезными нарушениями двигательных функций.

Начать тренировки Райма подвиг пример одного человека, которым он восхищался. Актер Кристофер Рив получил еще более тяжелое увечье, когда упал с лошади. К большому удивлению медицинских светил, благодаря силе воли и упорным тренировкам Рив сумел восстановить некоторые

двигательные функции и частично вернуть утраченную чувствительность. Райм несколько лет колебался, согласиться ли на рискованную экспериментальную операцию на спинном мозге, и в конце концов выбрал терапевтический курс напоподобие того, который проходил Рив.

Безвременная кончина актера подхлестнула Райма с еще большим рвением следовать своему плану, а Том помог ему найти одного из лучших на востоке США специалистов по травмам позвоночника – доктора Роберта Шермана. Док составил программу занятий, включающую в себя эргометр, водную терапию и локомоторную дорожку – громоздкое приспособление с ногами-роботами, также действующее под управлением компьютера, которое фактически позволяло Райму «ходить».

Лечение дало результат. У Райма окрепли сердце и легкие. Плотность костной ткани стала такой же, как у здоровых людей его возраста. Увеличилась мышечная масса. Райм был теперь почти в той же форме, что в бытность свою главой следственного отдела при нью-йоркском управлении полиции, курировавшего подразделение по обследованию мест преступлений. В те времена он каждый день нахаживал изрядное количество миль, порой, невзирая на высокий чин, лично проводил осмотр мест преступлений, а также собирал образцы почвы, камней, бетона и сажи по всему городу, чтобы пополнить экспертные базы данных.

Благодаря упражнениям у Райма почти исчезли пролеж-

ни от долгого сидения и лежания, стабилизировались функции естественных отправления и реже возникали мочевые инфекции. С тех пор как он начал держать режим, только однажды имел место эпизод вегетативной дисрефлексии.

Разумеется, один вопрос по-прежнему оставался открытым: помогут ли месяцы изнурительных тренировок фактически улучшить его состояние, а не только нарастить мышцы и укрепить кости? Простой тест сенсомоторных функций дал бы ему быстрый ответ. Но для этого Райму пришлось бы посетить клинику, на что у него никак не находилось свободного времени.

– Не можешь выкроить даже часок? – вопрошал его Том.

– Часок? Часок?! С каких это пор поездка в больницу занимает часок? Где ты вообще видел такую больницу, Том? В Зазеркалье или, может быть, в стране Оз?

В итоге доктор Шерман все-таки допек Райма, и тот согласился пройти обследование. Через полчаса они с Томом должны были отправиться в нью-йоркскую больницу, чтобы получить наконец заключение о том, намечаются ли положительные сдвиги.

Пока же все мысли Райма были сосредоточены на велогонке, которую следовало завершить. И поднимался он на самый что ни на есть Маттерхорн. Причем Лэнса Армстронга уже обгонял.

Когда гонка закончилась, Том снял друга с велосипеда, вымыл, облачил в белую рубашку и темные спортивные брю-

ки. Затем усадил в коляску, и Райм покатил к кабинке лифта, чтобы спуститься в лабораторию, бывшую гостиную, где сидела рыжеволосая Амелия Сакс. Она делала опись улик по текущему делу, которое вело полицейское управление; Райма привлекли в качестве консультанта.

Ловко маневрируя на ярко-красной «Штормовой стреле» с помощью единственного подвижного пальца – безымянного на левой руке, – Райм пересек лабораторию и остановился рядом с Амелией. Она наклонилась и поцеловала его в губы, на что Линкольн ответил полной взаимностью. На мгновение оба замерли. Райм наслаждался ее физической близостью, вдыхая сладковатый цветочный запах мыла, запоминая дразнящее прикосновение локона к своей щеке.

– Далеко укатил сегодня?

– Был бы в Северном Уэчестере, если бы меня не сняли с дистанции. – Он бросил мрачный взгляд в сторону Тома.

Его помощник только подмигнул Сакс. Все как с гуся вода.

Высокая стройная Сакс была одета в темно-синий брючный костюм, который всегда носила с черной или синей блузкой. (Как говорилось в тактическом руководстве для офицеров полиции: «Контрастирующие с пиджаком рубашки и блузы представляют более четкую цель для выстрела в область груди».) Ее наряд был практичным и неброским – совсем не то, что она привыкла носить на прежней работе. До того как прийти в полицию, Амелия Сакс несколько лет бы-

ла манекенщицей.

На боку, где был пристегнут автоматический «глок», пиджак слегка топорщился. Она предпочитала брюки мужского покроя, с задним карманом, в котором прятала запрещенный, но часто незаменимый инструмент – раскладной нож. На ногах, как обычно, были практичные туфли на мягкой подошве – из-за артрита при ходьбе ей нередко сводило ноги.

– Когда отправляемся? – спросила она у Райма.

– В больницу? Ни в коем случае!.. Тебе со мной ехать не стоит. Лучше посиди здесь, опиши собранные улики.

– Уже почти все описано. Да и не в этом дело... просто я сама так решила.

– Ну, цирк. Так и знал, что этим все кончится, – пробурчал в ответ Линкольн.

Он поискал глазами помощника, но того в поле зрения не оказалось.

В дверь позвонили. Откуда-то возник Том и пошел открывать. Через минуту он вернулся в сопровождении Лона Селитто.

– Всем привет! – Грузный, в вечно мятом костюме Селитто бодро кивнул.

Райма удивило его приподнятое настроение. Чем оно вызвано? Может, удачным арестом, новостью о перераспределении бюджета в пользу молодых офицеров... несколькими сброшенными фунтами? Вес вообще был для Лона большой темой. Линкольна, с его-то проблемами, сильно раздражали

чужие стоны по поводу таких пустяков, как оплывшая талия или редеющие волосы.

Однако, как выяснилось, лейтенант находился в приподнятом настроении из-за работы. Он помахал в воздухе пачкой бумаг:

- Приговор оставили в силе.
- Вот как? Дело с ботинками?
- Точно.

Райма новость порадовала, хотя нисколько не удивила. С какой стати? Он лично собирал доказательства против убийцы – обвинение просто не могло провалиться.

А дело оказалось занятным. На острове Рузвельта – диковинном клочке суши посреди Ист-Ривер, застроенном жилыми кварталами, – нашли двух убитых дипломатов с Балкан, и у обоих недоставало по ботинку на правой ноге. Как часто бывало, когда управление сталкивалось с особенно сложным случаем, Райма пригласили подключиться к расследованию в качестве консультирующего криминалиста – так полицейские называют судебных экспертов.

Осмотр места провела Амелия Сакс; все улики были собраны и тщательно проанализированы. Однако это не дало следствию никаких ниточек для распутывания преступления. В управлении заключили, что мотивы убийства как-то связаны с европейской политикой, и дело повисло. Но закрыть его еще не успели, когда из ФБР пришла информация о найденном в аэропорту Кеннеди брошенном кейсе, в ко-

тором обнаружили документы о системах глобального позиционирования, два десятка электронных схем и мужской ботинок на правую ногу. В каблуке имелось высверленное отверстие, а в него был спрятан компьютерный чип. Райм предположил, что ботинок принадлежал к одной из разрозненных пар обуви, владельцев которых нашли на острове Рузвельта. Догадка вскоре полностью подтвердилась. Другие вещдоки из кейса также указывали на связь с убийством дипломатов.

Сразу повеяло шпионажем, замаячила тень Роберта Ладлэма. Начали распространяться всяческие теории, а ФБР вместе с Госдепом залихорадило. В управлении возник агент из Лэнгли – первый на памяти Райма случай, когда ЦРУ заинтересовалось его расследованием.

Линкольна по сей день забавляло, как досадовали федералы – любители глобальных заговоров, когда через неделю после обнаружения ботинка с чипом детектив Амелия Сакс во главе группы захвата провела задержание некоего бизнесмена из Парамуса, штат Нью-Джерси, чье представление о внешней политике ограничивалось в лучшем случае публикациями в «Ю-Эс-Эй тудей».

На основе химических анализов композитной структуры подошвы Райм доказал, что отверстие в каблуке было сделано спустя недели после убийства дипломатов. Он также выяснил, что компьютерный чип был куплен в магазине электроники «Пи-Си уэрхаус», а данные навигатора не только не

представляли никакой тайны, но и были скачаны с веб-сайтов, которые не обновлялись уже года два.

Инсценировка – заключил Райм и продолжил изучать улики. Следы каменной пыли в кейсе вывели его на небольшую компанию в Нью-Джерси, производящую столовые поверхности для ванн и кухонь. Беглый просмотр распечатки телефонных звонков и покупок по кредитной карте привел к выводу, что жена подозреваемого изменяла ему с одним из дипломатов. Обманутый муж, узнав о связи жены, сговорился со своим подчиненным из камнетесного цеха, большим фанатом Тони Сопрано, и убил любовника вместе с его незадачливым компаньоном на острове Рузвельта. А затем просто подбросил улики, придав делу политическую окраску.

– «Связи» здесь налицо, вот только отнюдь не дипломатические, – сказал Райм в завершение своей эффектной речи в суде. – Налицо и козни, хотя опять же далеко не шпионские.

– Протестую, ваша честь, – устало пробормотал адвокат подсудимого.

– Протест принимается. – Судья, однако, не сумел подавить смешок.

Присяжным понадобилось сорок две минуты, чтобы вынести обвинительный приговор. Адвокаты, разумеется, подали апелляцию – какие они без этого адвокаты? – но, как только что сообщил Селитто, апелляционный суд оставил приговор в силе.

Том сказал:

– А не отпраздновать ли нам эту победу поездкой в больницу? Ты готов?

– Не наседай, – пробурчал в ответ Райм.

У Селитто запищал пейджер. Посмотрев на дисплей, лейтенант нахмурился, отцепил с ремня сотовый и набрал номер.

– Селитто. В чем дело? – Толстяк медленно закивал, одной рукой рассеянно перекатывая складки на животе. Лон недавно подсел на систему раздельного питания Аткинса, но, очевидно, бесчисленные стейки и сырые яйца не очень-то помогали. – Она не пострадала?.. А нападавший?.. Да... Нехорошо. Подождите. – Он оглядел присутствующих. – Только что поступил вызов. Кажется, Музей афроамериканской истории на Пятьдесят пятой. Жертва – совсем еще девочка... подросток. Попытка изнасилования.

Амелию передернуло; она прямо-таки источала сочувствие. Райм отреагировал по-другому – в его мозгу автоматически возникли вопросы: сколько там возможных мест преступления? Оставил ли преступник улики? Обменялись ли они вещественными следами, если была схватка? Воспользовался ли преступник общественным транспортом или приезжал на своей машине?

Потом у него промелькнула другая мысль, высказывать которую вслух он, однако, не собирался.

– Есть повреждения? – спросила Сакс.

– Только ободранная рука. Девушка убежала, обратилась

к патрульному, который все проверил, но к тому времени гада уже след простыл... Так вы едете осматривать место?

Сакс устала на Райма:

– Я знаю, что ты скажешь: дел у нас под завязку.

В последнее время нехватка кадров ощущалась по всему нью-йоркскому управлению. Людей перебрасывали с рутинных дежурств на антитеррористические задания – в ФБР поступило несколько анонимных сообщений, что на местные заведения, принадлежащие евреям, готовятся бомбовые атаки. (Все это напоминало Райму рассказы Амелии, которые та слышала от своего деда, про жизнь в предвоенной Германии. Тесть ее деда служил в берлинской уголовной полиции, и правительство регулярно забирало у него людей, оправдываясь необходимостью защищать национальные интересы.) Из-за нехватки личного состава Райма загрузили, как никогда. Сейчас они с Сакс вели два «беловоротничковых» расследования, один вооруженный грабеж и нераскрытое убийство трехгодичной давности.

– Точно – под завязку, – подтвердил Райм.

– То дождь идет, то ливень хлещет, – обобщил Селитто и насупил брови. – Странное какое-то выражение.

– Должно быть: «Закапал дождь – жди ливня». Народная мудрость. – Райм слегка наклонил голову. – Рад бы помочь. Честно. Но что с остальными делами? К тому же вы смотрите на часы? Мне скоро пора на прием... к врачу, между прочим.

– Да ладно тебе, Линк, – сказал Селитто. – Этот случай

серьезнее остальных. Жертва – ребенок. Нападавший – гад конченный... охотится на подростков. Подумай, скольких молоденьких девочек мы спасем. Ты же знаешь, как с этим в Нью-Йорке: если объявился педофил-насильник, начальство ни в чем не откажет – только бы его взять. Все остальное неактуально.

– Пятое текущее расследование... – пробурчал Райм. Он немного выждал, слушая повисшую тишину, затем как бы нехотя добавил: – Сколько ей лет?

– Шестнадцать. Линк, ради всего святого.

Вздых... пауза...

– Ну хорошо, я согласен.

– Правда? – удивился Селитто.

– Каким несговорчивым меня все считают! – Райм насмешливо закатил глаза. – Видно, успел подмочить репутацию. Вот, Лон, еще одно избитое выражение тебе в копилку. Я только хотел подчеркнуть, что не стоит забывать о приоритетах. Но полагаю, вы правы: это дело важнее других.

Очередную паузу нарушил Том:

– Твоя уступчивость никак не связана с тем, что теперь придется отложить поездку в больницу?

– Разумеется, нет. И в мыслях не было. Впрочем, раз уж ты об этом упомянул, думаю, запись следует отменить. Правильно рассуждаешь, Том.

– Ничего я не рассуждал! Да ты все подстроил!

Что верно, то верно, подумал Райм. А вслух возмутился:

– Я?! Тебя послушать, так это я бросаюсь на людей посреди Манхэттена!

– Ну-ну. Ты прекрасно понимаешь. Можно пройти обследование и вернуться еще до того, как Амелия отработает место.

– Том, врачам только попадись – до вечера не отпустят.

– Я созвонюсь с доктором Шерманом, чтобы перенесли запись, – предложила Амелия.

– Отменили то есть. Какой смысл переносить? Неизвестно, сколько времени уйдет на расследование.

– Я перенесу запись, – твердо повторила она.

– Недели на две, на три.

– Я узнаю, когда у него следующее окно, – настаивала Амелия.

Однако Линкольна не так легко было переупрямить.

– Больница подождет. Сейчас мы имеем разгуливающего на свободе насильника. Мало ли что у него на уме. Наверняка выбирает себе новую жертву. Том, позвони Мэлу Куперу, пусть срочно едет сюда. Каждая минута нашего промедления – подарок для преступника. Эй, Лон, как тебе такая формулировка? Всем штампам штамп! Советую взять на заметку.

Глава 3

Инстинкт.

У патрульных он обостряется до своего рода шестого чувства. По тому, как человек держится, опытный патрульный безошибочно определит, что у того с собой пушка. И дело здесь не в весе оружия, а в той власти, которую оно дает.

А еще в риске быть взятым с поличным. В Нью-Йорке незаконное ношение чревато тюремным сроком. Попался с оружием – ступай на отсидку.

Амелия Сакс вряд ли бы смогла объяснить, откуда у нее уверенность, что человек, стоящий в небрежной позе напротив Музея афроамериканской истории и культуры, вооружен. Он курил, скрестив руки на груди, и наблюдал за сценой: мигающие маячки, натянутые ограждения, полицейские наряды.

К Сакс подошел светловолосый офицер в форме. На вид совсем молодой, явно салага.

– Добрый день. Я первым прибыл на место происшествия. Меня...

Улыбаясь, Сакс негромко сказала:

– Смотри вон на ту мусорную кучу дальше по улице.

Новичок удивленно моргнул.

– Простите, не понял.

– Смотри на мусор, не на меня, – прошипела Сакс.

– Извините, детектив.

У него была аккуратная стрижка, нагрудный знак с именем: «Р. Пуласки». Новенький – ни царапинки.

Сакс показала на мусорную кучу.

– Пожми плечами.

Пуласки подчинился.

– Теперь идем туда вместе, смотрим на кучу.

– А тут кто-то...

– Улыбайся.

– Я...

– Сколько требуется полицейских, чтобы вкрутить лампочку?

– Не знаю. Сколько?

– Не важно – это шутка. Но ты смейся, как будто услышал анекдот.

Пуласки нервно хохотнул.

– Не отвлекайся.

– От мусора?

Расстегивая пиджак, Сакс сказала:

– Теперь нам не до смеха. Мы изучаем мусор.

– Зачем?..

– Смотри вперед.

– Да, верно. Мне не смешно. Я изучаю мусор.

– Вот так.

Мужчина с припрятанным пистолетом по-прежнему стоял у стены. Ему было за сорок, крепкое телосложение, корот-

кая стрижка. Теперь Сакс видела на его боку бугор – пушка длинноствольная. Похоже, револьвер.

– Объясняю ситуацию, – негромко сказала Сакс. – Мужчина справа от нас, у стены, вооружен.

Новичок – вот молодчина! – и бровью не повел, накрепко прилип взглядом к мусорной куче.

– Налетчик? Тот самый, который напал на девочку?

– Не знаю. Важно то, что у него револьвер.

– Что будем делать?

– Идем дальше, не сводя глаз с мусорной кучи. Он решит, что нам не до него. Потом не торопясь возвращаемся. Ты остановишься и спросишь, не принести ли мне кофе. Я скажу: да. Ты повернешь назад, зайдешь так, чтобы оказаться от него справа. Он тем временем будет смотреть на меня.

– А почему он будет на вас смотреть?

Умиляющее простодушие!

– Просто будет, и все. Ты приблизишься к нему с другой стороны. Затем отвлечешь его – кашлянешь, например. Он повернется лицом к тебе, а я зайду с другого бока.

– Ясно, все понял. А мне... ну, взять его на прицел?

– Нет. Просто отвлеки его и стой рядом.

– А если он выхватит пушку?

– Вот тогда возьмешь его на прицел.

– А если станет стрелять?

– Сомневаюсь.

– Но вдруг станет?

– Тогда можешь стрелять. Как тебя зовут?

– Рональд... Рон.

– Давно в патруле?

– Три недели.

– У нас все получится, Рон. Действуем по плану.

С озабоченным видом они дошли до мусорной кучи, потом, якобы убедившись, что опасности нет, повернули обратно. Пуласки остановился и спросил:

– А что, детектив, кофе не выпьете?

Он слегка переигрывал – звездой сцены ему явно не стать, – однако в целом получилось довольно убедительно.

– Да, пожалуй.

Молодой патрульный заспешил в обратную сторону, но вдруг остановился и крикнул:

– Вам какой?

– А-а, черный, с сахаром.

– Сахара сколько?

«Черт возьми...»

– Один.

– Ясно. Пончики захватить?

Амелия многозначительно на него уставилась: *все, все, остынь!*

– Нет, только кофе.

Она повернулась к библиотеке, чувствуя на себе оценивающий взгляд мужчины.

«А почему он будет на вас смотреть?» – «Просто будет,

и все».

Она неторопливо направилась к музею, следя за мужчиной – точнее, за его отражением в витрине. Когда тот обернулся к Пуласки, она быстро пошла на него, откинув полу пиджака, словно стрелок из вестерна, чтобы при необходимости выхватить из кобуры «глок».

– Держите руки на виду, – твердым голосом произнесла Сакс.

– Делайте, как говорит леди. – Пуласки стоял по другую сторону от мужчины, готовый вытащить пистолет.

Мужчина уставился на Сакс:

– Ловко сработано, офицер.

– Просто держите руки на виду. У вас есть при себе оружие?

– Ага. Пушка побольше той, что была у меня в три-пять.

Цифры обозначали один из нью-йоркских полицейских участков. Бывший коп. Возможно.

– Что-нибудь охраняете?

– Так точно.

– Покажите разрешение. Достаньте его левой рукой. Правой не шевелите.

Мужчина вынул бумажник. Документы на ношение и лицензия охранника выглядели настоящими. Тем не менее Сакс связалась с участком, чтобы свериться по компьютеру. Все оказалось чисто.

– Извините. – Она вернула ему документы.

– Ничего, детектив. У вас здесь, как я погляжу, расследование затевается. – Он кивнул в сторону полицейских машин, перекрывших улицу напротив входа в музей.

– Разберемся, – уклончиво бросила Сакс.

Охранник спрятал бумажник в карман.

– Я сам двенадцать лет протрубил в участке. Уволился по состоянию здоровья, но скоро начал дуреть от гражданки. – Он кивком указал на здание за спиной. – Нас здесь несколько. Охраняем отделение Американской ювелирной биржи. Камешков миллиона на два, из Иерусалима и Амстердама.

Сакс оглядела фасад. Ничего особенного – обычное офисное здание.

Мужчина усмехнулся:

– Думал, работка не бей лежачего, а оказалось, нисколько не легче, чем патрулировать улицы. Что ж, удачи вам. Рад бы помочь, но проморгал представление. – Он повернулся к новичку-патрульному и кивнул в сторону Сакс. – На задании она для тебя не «леди», а «детектив».

Пуласки ответил смущенным взглядом, хотя урок, судя по всему, воспринял всерьез. Сакс и сама бы чуть позже сделала ему замечание.

– Виноват...

«Ты не знал, зато теперь в курсе», – вспомнилось Сакс. Едва ли не главный принцип в натаскивании молодых офицеров.

Когда они направились обратно к музею, охранник крик-

нул вдогонку:

– Эй, молодой?

Пуласки обернулся.

– Ты забыл принести кофе!

У входа в музей, разговаривая с сержантом, стоял Лон Селитто. Он глянул на именной знак молодого патрульного и спросил:

– Пуласки, вы первым прибыли на место?

– Так точно, сэр.

– Рассказывайте.

Прочистив горло, новобранец указал в сторону переулка.

– Я занимал позицию на другой стороне улицы, примерно вон там, в соответствии с плановым заданием. Приблизительно в восемь тридцать жертва, афроамериканка женского пола, шестнадцати лет, обратилась ко мне, чтобы сделать...

– Можно попроще – своими словами, – прервала его Сакс.

– Да, конечно. В общем, я стоял примерно вон там, и тут ко мне подходит девчушка, сама не своя. Зовут ее Женева Сеттл, старшеклассница. Здесь была на пятом этаже – готовила какой-то доклад для школы. – Он указал на здание музея. – И тут этот громила на нее набросился. Белый, рост – метр восемьдесят, на лицо натянута лыжная маска. Собирался ее изнасиловать.

– Ты это откуда взял? – спросил Селитто.

– Нашел «набор насильника» в библиотеке.

– Ты что, его открывал? – хмурясь, спросила Сакс.

– Только ручкой поддел, пальцами не прикасался.

– Хорошо. Продолжай.

– Девушка бросается к пожарному выходу, сбегает по лестнице в переулок. Преступник ее преследует, но, оказавшись снаружи, поворачивает в другую сторону.

– Кто-нибудь видел, как он уходил? – спросил Селитто.

– Нет, сэр.

Селитто огляделся:

– Ты устанавливал периметр?

– Так точно, сэр.

– Слишком близко – надо отодвинуть подальше. Запомни: репортеры липучие, как пиявки.

– Слушаюсь, детектив.

«Ты не знал. Зато теперь в курсе».

Пуласки заспешил отодвигать границы периметра.

– Где девочка? – спросила Сакс у сержанта – коренастого латиноамериканца с седой шевелюрой.

– Ее вместе с подругой забрал патрульный экипаж – повезли в ближайший участок. Оттуда она сможет позвонить родителям. – Осеннее солнце яркими бликами играло на его золотых перстнях. – Потом их вроде бы должны отвезти к капитану Райму. – Сержант рассмеялся. – А она сметливая. Знаете, чего отчудила?

– Что?

– Почувствовала неладное – взяла манекен и натянула на него свой свитер и шапочку. Налетчик купился. А девочка

выиграла время, чтобы сбежать.

Сакс рассмеялась:

– И ей только шестнадцать? Да уж, сметливая.

– Ты займись осмотром, а я опрошу свидетелей, – сказал ей Селитто.

Чуть поодаль, сбившись в кучку, стояли несколько полицейских – один в форме и двое в штатском. Селитто разослал их искать свидетелей среди прохожих, а также в магазинчиках и офисах по соседству. Еще несколько человек он отправил опрашивать уличных продавцов – одни уже торговали кофе и пончиками, другие только расставляли лотки с хот-догами, булочками, шаурмой и фалафелями в пите.

Автомобильный гудок заставил Амелию обернуться. Прибыл фургон с оборудованием для сбора улики.

– Детектив! – поприветствовал ее вышедший из-за руля водитель.

Сакс кивнула ему и напарнику. С этими двумя ей уже приходилось работать на выездах. Сняв пиджак и отцепив кобур с пистолетом, она облачилась в белый защитный костюм, после чего вновь пристегнула «глок», памятуя наставление Райма: «Поиск ведите тщательно, но и глядите в оба».

– Подсобите? – Она взяла металлический чемоданчик с оборудованием для сбора и транспортировки улики.

– А как же. – Один из вновь прибывших технарей подхватил два оставшихся чемодана.

Сакс как раз успела надеть на голову наушники с мик-

рофоном и подключить шнур к рации, когда с «оттеснения прессы» вернулся Рон Пуласки и повел следователей в библиотеку. Выйдя из лифта на пятом этаже, группа повернула направо к двустворчатой двери, над которой значилось: «Зал Букера Т. Вашингтона».

– За этим дверями все и произошло.

Сакс и двое экспертов открыли чемоданчики и начали вынимать оборудование. Пуласки тем временем продолжал:

– Уверен, что налетчик вошел через них. Из зала есть еще выход – пожарная лестница. Но снаружи на нее не попадешь, а двери внизу не взломаны. Так вот, он входит здесь, запирает за собой дверь и подкрадывается к девочке. А ускользнула она через пожарный выход.

– Кто тебе открыл? – спросила Сакс.

– Дон Бэрри – главный библиотекарь.

– Он вошел с тобой?

– Нет.

– Где он сейчас?

– В кабинете на третьем этаже. Я тут подумал: а что, если это кто-нибудь из своих? Ну, понимаете. Так вот, я попросил его приготовить список всех белых мужчин – сотрудников музея – и пометить, кто где находился в момент нападения.

– Хорошо. – Сакс и сама планировала это сделать.

– Он пообещал принести список, как только все проверит.

– Ладно, скажи, что там внутри.

– Девочка сидела у аппарата для чтения микрофиш – на-

право за углом. Сразу увидите.

Пуласки указал в дальний конец большого зала, заставленного высокими стеллажами. Дальше начиналась экспозиция: манекены в старинных одеждах, картины на стенах, шкатулки с украшениями, кошельки, обувь, пряжки... Типичная музейная рухлядь – смотришь на нее и думаешь, в каком ресторанчике приземлиться, после того как насытишься культурной программой.

– Как здесь с охраной? – Сакс оглядела потолок в поисках камер наблюдения.

– Полный ноль: ни видеокамер, ни охранников, ни журнала для записи посетителей. Входи – не хочу.

– Проще и быть не может, да, Пуласки?

– Да, мэ... Да, детектив.

Сакс хотела было сказать, что «мэм», в отличие от «леди», звучит нормально, но не знала, как объяснить разницу.

– Вопрос: ты закрыл двери пожарного выхода вниз?

– Нет, оставил открытыми.

– Значит, здесь может быть еще горячо.

– Горячо?

– Преступник может вернуться.

– Я...

– Твоей ошибки здесь нет, Пуласки. Я просто должна быть в курсе.

– Ну... да, наверное, может и вернуться.

– Ладно, оставайся у дверей и слушай.

– Что слушать?

– Ну, например, если в меня будут стрелять. Хотя лучше, если ты сначала услышишь, как кто-то подкрадывается или передергивает затвор.

– В смысле – остаюсь прикрывать?

Сакс подмигнула и вошла в зал.

Значит, она собирает улики, размышлял Томпсон Бойд, наблюдая, как женщина внимательно осматривает пол, ищет отпечатки, следы и прочее, что в таких случаях положено искать. Он ничуть не беспокоился, зная, что сработал, как всегда, чисто.

Томпсон стоял у окна на шестом этаже здания напротив музея. Когда девчонка сбежала, он обогнул пару кварталов, вернулся, вошел в дом на противоположной стороне Пятдесят пятой улицы и занял там наблюдательный пост.

Несколько минут назад ему представилась другая возможность убить девчонку: она разговаривала с полицейскими на улице, прямо у входа в музей. Но вокруг было слишком много полиции. Он успел сфотографировать ее мобильником, прежде чем их с подружкой усадили в патрульную машину. Кроме того, здесь оставалось одно незавершенное дело.

Еще с тюремных времен Томпсон разбирался в полицейских, легко определял, кто лентяй, кто трус, а кто глупый и легковверный. Видел он и талантливых, проницательных копов, таких, которые могли представлять опасность.

Как эта женщина, за которой он сейчас наблюдал.

В очередной раз прокапав вечно саднящие глаза, он поймал себя на мысли, что женщина-детектив возбуждает в нем любопытство. Она осматривала место преступления с какой-то набожной сосредоточенностью; такое лицо иногда бывало у его матери в церкви.

Женщина-детектив скрылась из виду, но Томпсон, тихонечко насвистывая, по-прежнему смотрел в окно. Наконец она появилась снова. Он отметил про себя, с какой точностью она все делает: как осторожно ступает, как аккуратно прикасается ко всему, чтобы случайно не уничтожить улики. Красотой и фигурой она могла бы завести любого мужчину; даже комбинезон не мешал представить, какое роскошное у нее тело. Конечно, сейчас Томпсону было не до того, и все же, глядя, как она работает, он чувствовал внутри какое-то неясное наслаждение.

Внезапно в сознании промелькнуло что-то из далекого прошлого... Томпсон нахмурился, глядя, как женщина ходит туда-сюда, туда-сюда... Да, вот оно. Ритм напомнил ему движения рогатых гремучников, которых показывал ему отец, когда они вместе охотились или гуляли в песках вокруг трейлера, в котором жили около Амарилло в Техасе.

«Смотри хорошенько, сынок. Видишь? Красавицы, да? Но не вздумай к ним подходить. Один поцелуй смерти – и ты мертвец».

Томпсон привалился к стене, продолжая смотреть, как

женщина в белом комбинезоне методично вышагивает по библиотечному залу – взад-вперед, взад-вперед.

Глава 4

– Как успехи, Сакс?

– Хорошо.

Она как раз заканчивала «ходить по сетке» – выражение, означающее осмотр места преступления по принципу стрижки газона. Сначала движешься из конца в конец в одном направлении и возвращаешься тем же путем, забирая чуть в сторону. Затем все повторяется, только идти надо перпендикулярно прежнему курсу. При этом осматриваешь все пространство: сверху вниз, от пола до потолка. Таким образом ни один сантиметр, ни один ракурс не остается без внимания. Существует несколько способов обследования мест преступлений, но Райм всегда настаивал на методе сетки.

– Что значит «хорошо»? – с некоторым раздражением спросил Райм. Обобщений или, в его терминологии, «мягких» оценок он не признавал.

– Преступник оставил «набор насильника», – ответила Сакс.

Поскольку канал связи предназначался для того, чтобы обеспечить виртуальное присутствие Райма на месте преступления, они пренебрегали обычными правилами радиопереговоров, как, например, оканчивать реплику словом «прием».

– Неужели? Все равно что оставить кошелек с документа-

ми. Что там?

– Вообще-то, набор вполне типичный: рулон клейкой ленты, ножик, презервативы. Есть одна чудная деталь: карта таро. Знаешь, такая картинка с изображением висельника.

– Интересно, настоящий извращенец или прикидывается? – размышлял вслух Райм. Многие убийцы, в том числе «вашиingtonские снайперы», застрелившие в две тысячи втором году десять человек, оставляли на местах преступлений карты таро.

Сакс продолжила:

– Что радует, так это аккуратненький полиэтиленовый пакетик, в который все упаковано.

– Прекрасно.

Преступники нередко пользуются перчатками, но частенько забывают про свои «пальчики» на предметах, которые приносят с собой. Так, насильников уже не раз находили по выброшенным оберткам от презервативов. Человек, которого они ищут, мог протереть ножик и все остальное, но забыть про пакет.

Она опустила «набор» в бумажный пакет для улики и отложила его в сторону. Для сохранности собранного материала бумажные мешки во многом практичнее пластиковых.

– Лежал на книжной полке недалеко от того места, где сидела девочка. Сейчас проверю на скрытые отпечатки.

Она обсыпала полки флуоресцентным порошком, надела очки с оранжевыми стеклами и включила фонарь специ-

ального освещения – технология, позволяющая рассмотреть невидимые невооруженным глазом следы крови, спермы и отпечатки пальцев. Поводив лампой вверх-вниз, Сакс сообщила:

– Отпечатков нет, видны следы латексных перчаток.

– Что ж, хорошо. По двум причинам, – лекторским тоном отозвался Райм, очевидно решив проверить коллегу на догадливость.

По двум? Первую она поняла сразу: если найдется перчатка, то они снимут отпечатки с внутренней стороны пальцев – о чем преступники тоже частенько забывали. Но что второе?

Она задала вопрос Райму.

– Элементарно. Он, скорее всего, судим, и, когда мы найдем отпечаток, система его быстро определит.

Федеральная интегрированная система автоматизированной идентификации отпечатков пальцев (IAFIS) вместе с аналогичной системой штата представляли собой электронные базы данных, способные определить совпадения с образцом за считанные минуты, а не за дни или даже недели, как при проверке вручную.

– Да, понятно. – Сакс немного расстроилась, что завалила экзамен.

– Что еще подразумевалось под «хорошо»?

– Вчера вечером здесь тщательно вычистили пол.

– А нападение произошло сегодня с утра. У тебя нетронутое поле, чтобы снять отпечатки подошв.

– Да. Здесь отчетливые следы.

Опустившись на колени, Сакс сняла электростатическое изображение следов мужской обуви. Отпечатки вели к столу, за которым сидела Женева. В одном месте нападавший переминался, готовясь к удару. Затем бросился догонять жертву к двери пожарного выхода. Кроме него, сюда заходил только Рон Пуласки, но начищенные до блеска форменные ботинки оставили совсем иной отпечаток.

Сакс рассказала Райму, как девочка воспользовалась манекеном, чтобы отвлечь киллера и сбежать. Райм одобрительно хохотнул.

– Он нанес ей, ну, то есть манекену, очень сильный удар. Тупым предметом. Настолько сильный, что расколол пластик под мягкой вязаной шапочкой. Потом, видимо, пришел в ярость оттого, что его надули, и расколошматил аппарат для чтения микрофиш.

– Тупым предметом, – повторил Райм. – Можешь снять отпечаток вмятины?

В бытность свою главой отдела по обследованию мест преступлений, еще до травмы, Райм составил несколько баз данных для идентификации собранных улик и трасологической экспертизы отпечатков. Один из файлов содержал сотни изображений следов, которые оставляет на коже и предметах тупое орудие, будь то монтировка, человеческая кость или кусок льда. Внимательно изучив манекен и осколки аппарата, Сакс ответила:

– Нет, Райм, я ничего не вижу. Шапочка, которую Женева надела на ма...

– Женева?

– Так ее зовут.

– Хорошо. Продолжай.

Амелию задело, что Райм не проявил никакого интереса к самой девочке и тому, что той пришлось пережить. Такое случалось уже не впервые. Ее часто тревожило безразличие Райма к потерпевшим, а тот всегда отвечал, что профессионалу иначе нельзя. Кому нужен пилот, который, залюбовавшись закатом или испугавшись грозы, влетает прямехонько в гору? Тоже и с полицейскими. Мысль, конечно, понятная, но для Амелии Сакс жертвы были прежде всего людьми, а преступления – не столько задачками для криминалиста, сколько вопиющей несправедливостью. Особенно если жертва – шестнадцатилетняя девочка.

Сакс собралась:

– Шапочка рассеяла силу удара в месте контакта. От аппарата тоже остались одни осколки.

Райм сказал:

– Что ж, прихвати с собой парочку образцов. На них могли остаться следы.

– Обязательно.

Сакс услышала в трубке чьи-то приглушенные голоса. И ответил Райм немного встревоженно:

– Заканчивай поскорее и возвращайся сюда.

– Почти закончила, – сказала Сакс. – Сейчас только пройду по сетке на пожарной лестнице... Райм, что там у тебя?

Тишина.

Когда он снова заговорил, беспокойства в его голосе только прибавилось.

– Все, Сакс, мне пора. Похоже, у меня гости.

– Кто?..

Но Райм уже отключился.

Женщина-детектив в белом комбинезоне скрылась из виду за краем окна.

Томпсона Бойда она больше не интересовала. Со своей смотровой площадки в шестидесяти футах над улицей он наблюдал за пожилым копом, который направлялся к группе свидетелей. Средних лет, грузный, в мятом костюме. Этот тип полицейских Бойд тоже хорошо знал: умом не блещет, зато хваткой отличается бульдожьей, под стать внешности. Такой будет докапываться до сути, и ничто его не остановит.

Когда толстяк кивнул вышедшему из музея высокому негру в коричневом костюме, Томпсон оставил свой пост и заспешил вниз по лестнице. На площадке первого этажа он остановился, достал из кармана револьвер и проверил, не забилось ли что между стволом и цилиндром. Может, вот такой щелчок, когда он откидывал и закрывал барабан, настрожил девушку?

И хотя сейчас вокруг не было ни души, Томпсон все про-

делал без единого звука.

На ошибках надо учиться.

«Все по инструкции».

Убедившись, что револьвер в порядке, Томпсон спрятал его под плащ, спустился по темному лестничному пролету в холл и вышел через дальнюю дверь на Пятьдесят шестую улицу. Потом свернул в переулок, который вывел его обратно к музею.

Выход из переулка на Пятьдесят пятую никто не охранял. Томпсон незаметно пробрался к побитому мусорному баку, из которого несло гнилью, и выглянул на улицу. Проезд уже открыли, но на тротуарах толпились десятки зевак. Полиция почти вся разъехалась. Женщина в белом комбинезоне – «поцелуй смерти» – была наверху. Перед входом стояли две патрульные машины и мини-фургон бригады криминалистов. Из полицейских оставались трое в форме, двое в штатском и помятый толстяк-детектив.

Томпсон покрепче сжал револьвер. Пуля не самое надежное средство, но иногда выбирать не приходится. И если уж стрелять, то в сердце – никак не в голову. Пуля может просто скользнуть по черепу, да и попасть не так-то легко.

Нет, только в грудь.

Томпсон скользнул взглядом по толстяку-детективу в помятом костюме – тот, опустив голову, рассматривал какой-то листок бумаги.

С каменным спокойствием Томпсон положил пистолет на

левую руку, аккуратно прицелился и сделал четыре быстрых выстрела.

Первая пуля пробила бедро женщине, стоявшей на тротуаре.

Остальные настигли того, кому предназначались, – в середине его груди появились три крошечных отверстия. К тому времени как тело коснется земли, они превратятся в три кровавые розочки.

Девушки разительно отличались сложением, но Линкольн Райм сначала заметил то, как по-разному они смотрят.

Полная была одета броско, вся в блестящих побрякушках, с длинными оранжевыми ногтями. Ее взгляд плясал, как непоседливая мошкара, не задерживаясь ни на чем дольше секунды. Она обскакала глазами лабораторию: приборы, мензурки, химикаты, компьютеры, мониторы, бесконечные провода; глянула на его ноги... коляску, все время шумно жуя жвачку.

Вторая – невысокая, худенькая, похожая на мальчишку – была спокойна. Она не отрываясь смотрела на Линкольна. Один быстрый взгляд на коляску, и ее глаза вновь обратились к его лицу. Лаборатория ее не интересовала.

– Это Женева Сеттл. – Дженнифер Робинсон из патрульно-постовой службы кивнула на худышку. Женщина была хорошей знакомой Амелии Сакс и по ее просьбе привезла девушек из участка к Райму. – А это ее подруга Лакиша

Скотт. Перестань жевать, Лакиша.

Девушка изобразила страдальческий вид, но жвачку вынула и сунула в сумочку, даже не потрудившись во что-нибудь завернуть.

Робинсон сказала:

– Они с Женовой вместе сегодня утром ходили в музей.

– Только я ничего не видела, – сразу предупредила Лакиша.

Райм гадал, то ли она так нервничает из-за случившегося, то ли смущается, что он калека. Наверное, и то и другое.

Женева была в серой футболке, черных мешковатых штанах и кроссовках – последняя школьная мода, догадался Райм. Селитто сообщил, что ей шестнадцать, но выглядела она моложе. У Лакиши на голове красовалась масса тонких черных и золотых косичек, затянутых так туго, что в промежутках просвечивала кожа. Женева была коротко подстрижена.

– Я объяснила им, кто вы, капитан. – Робинсон обратилась к нему по званию, которое уже несколько лет как устарело. – И что вы зададите кое-какие вопросы насчет происшествия. Женева рвалась в школу, но я сказала, что придется подождать.

– У меня сегодня контрольные, – пояснила девушка.

Лакиша только присвистнула.

Робинсон продолжала:

– Сейчас ее родителей нет в стране, возвращаются бли-

жайшим рейсом. А в их отсутствие за ней приглядывает дядя.

– И где они? Родители? – спросил Райм.

– Отец на симпозиуме в Оксфорде.

– Он что, профессор?

Женева кивнула:

– Преподает литературу в Хантере².

Райму стало стыдно. Надо же было так удивиться, узнав, что у девочки из Гарлема интеллигентные родители, участвующие в международной научной жизни! Больше, чем на собственную зашоренность, он досадовал на ошибочность своих выводов. Да, по одежке ей самое место в уличной банде, но ведь напали на нее, когда она сидела в библиотеке, а не шаталась по подворотням и не тарасилась с утра в телевизор.

Лакиша выудила из вместительной сумочки пачку сигарет.

Райм начал было:

– Здесь...

– ...не курят, – закончил за него вошедший в комнату Том, после чего забрал пачку и запихал обратно в сумочку. Вот молодец – ничуть не смутился, что на него вдруг свалились две девушки-подростка. Он улыбнулся и спросил:

– Какую шипучку предпочитаете?

² Хантер-колледж – один из старейших и крупнейших колледжей Городского университета Нью-Йорка; находится в центре Манхэттена.

– А кофе есть? – спросила Лакиша.

– Найдется. – Том поочередно глянул на Дженнифер Робинсон и на Райма. Оба только мотнули головой.

– Я крепкий люблю, – уточнила толстушка.

– Неужели? Я тоже. – Том посмотрел на Женеву. – Ты что-нибудь будешь?

– Спасибо, нет.

Райм с тоской посмотрел на бутылку скотча, стоящую поблизости на полке. Заметив его взгляд, Том усмехнулся и исчез в кухне. От слов патрульной Робинсон легче тоже не стало.

– Мне надо возвращаться в участок, сэр.

– Э-э-э... как, уже? – Райма охватило смятение. – Вы точно не можете задержаться на некоторое время?

– Не могу, сэр. Если я понадобится, позвоните. «Да, нянька сейчас бы не помешала».

Райм не верил в судьбу, иначе разглядел бы в таком положении вещей искусно подстроенное возмездие: взявшись за это дело, он избежал поездки в больницу и теперь расплачивался за уловку. Ближайшие полчаса в компании двух школьниц грозили обернуться пыткой. Общение с молодежью – совсем не его конек.

– До встречи, капитан. – Робинсон вышла за дверь.

– Да-да, – пробормотал Райм вдогонку.

Через несколько минут с подносом в руках возвратился Том. Он налил Лакише чашечку кофе, а Женеве подал круж-

ку – судя по запаху, с горячим какао.

– Я подумал, вдруг ты все-таки не откажешься, – сказал он. – Не хочешь, можешь не пить.

– Что ж, спасибо, не откажусь.

Женева посмотрела на дымящуюся поверхность, отхлебнула глоточек-другой, опустила кружку и уставилась в пол. Затем еще несколько раз пригубила напиток.

– Все в порядке? – спросил ее Райм.

Кивок.

– У меня тоже, – сообщила Лакиша.

– Он напал на вас обеих?

– Не-а, на меня нет. – Лакиша окинула его взглядом. – Ты как тот актер, который шею сломал? – Она, причмокнув, отхлебнула кофе, добавила сахара, снова отхлебнула.

– Да, точно.

– И ты совсем ничем не можешь пошевелить?

– Не особенно.

– Вот дерьмо.

– Киш! Остынь, подруга, – шепнула Женева.

– Нет, ну вообще!..

Повисла тишина. С появления девушек прошло каких-то восемь минут, а казалось – часы. Что теперь делать? Попросить Тома, чтобы тот сбегал купить какую-нибудь настольную игру?

Конечно, надо еще задать вопросы, но Райму не хотелось самому этим заниматься. Искусством допроса он не владел.

В бытность на оперативной работе он раз десять допрашивал подозреваемых, но так и не добился пресловутого момента истины, когда подопечный вдруг ломается и во всем признается. Другое дело Сакс – у нее к подобным беседам прирожденный талант. Она не раз поучала новичков, что одним неверным словом можно все загубить, называя этот эффект «загрязнением сознания», – примерно как Райм считал главным грехом следователя «загрязнение места происшествия».

– А как ты тогда управляешься с креслом? – спросила Лакиша.

– Тсс! – зашипела Женева.

– Я только спрашиваю.

– Ну и не надо.

– Да чего такого? За спрос не бьют в нос.

От прежней робости у Лакиши не осталось и следа. И не такая уж она на самом деле простая. Поначалу делает вид, будто смущается, словно вся такая наивная и ранимая, заставляет поверить, что преимущество за тобой. Сама тем временем хорошенько присматривается, взвешивает ситуацию. И стоит ей во всем разобраться, решает, можно или нет распускать язык.

Вообще-то, Райму даже полегчало, что нашлась тема для разговора. Он в деталях рассказал про блок управления коляской: как сенсорный экран, реагируя на прикосновение его безымянного пальца, способен менять направление и ско-

рость перемещения.

– Один палец? – Киш глянула на свой оранжевый ноготь. – И больше ничем не можешь пошевелить?

– Не считая головы и плеч.

– Мистер Райм, – Женева смотрела на наручные часы, большие и красные, которые на ее тоненьком запястье особенно бросались в глаза, – у меня сегодня контрольные в школе. До первой всего часа два. Сколько вы нас еще продержите?

– Школа? – удивился Райм. – Сегодня тебе можно посидеть дома. Учителя поймут.

– Вообще-то, сидеть дома я не хочу сама. Мне обязательно надо сдать тесты.

– Слушай, тебе человек говорит, что можно забить на тесты, а ты фигней страдаешь!

Женева уставилась подруге в глаза:

– К тебе это не относится. Ты не вздумай прогулять.

– При чем тут «прогулять», если нам отмазку дают, – с безупречной логикой заметила толстушка.

Раздался телефонный звонок, и Райм обрадовался.

– Команда: «ответить на звонок», – проговорил он в микрофон, закрепленный на дужке около губ.

– Клево! – У Лакиши брови поползли вверх. – Смотри, Жен. Я тоже такой хочу!

Женева что-то шепнула подруге. Та в ответ закатила глаза, потом отхлебнула кофе.

– Райм! – Голос Амелии.

– Сакс, они у меня, – с нотками раздражения ответил Райм. – Женева и ее подруга. Надеюсь, ты...

– Райм! – повторила Амелия каким-то странным тоном.

Что-то стряслось.

– В чем дело?

– Преступник все-таки не покинул место происшествия.

– Он что – был там?

– Ага. Либо не уходил, либо сделал петлю и вернулся.

– С тобой все в порядке?

– Да. Охотился он не за мной.

– Что случилось?

– Подобрался совсем близко. Четыре выстрела. Ранена одна женщина... а свидетеля он уложил. Имя – Дон Бэрри, был главой музейной библиотеки. Три пули прямо в сердце – умер мгновенно.

– Ты уверена, что стрелял тот же человек?

– Сто процентов. Отпечатки следов на месте, откуда велся огонь, полностью идентичны следам в библиотеке. Лон только начал допрашивать свидетеля, стоял рядом, когда это случилось.

– Лон сумел разглядеть стрелка?

– Нет. Его никто не видел. Прятался за мусорным баком. Двое патрульных, присутствовавших при осмотре, бросились помогать женщине... у нее большая кровопотеря. Стрелок смешался с толпой – просто растворился.

– Близким уже сообщили?

– Лон собирался позвонить, но у него что-то с телефоном.

В итоге им позвонил сержант из группы поддержки.

– Ладно, Сакс, возвращайся и вези сюда все, что там собралась... Команда: «отключиться».

Райм поднял глаза: девушки таращились на него.

– Похоже, человек, который на тебя напал, все время был там. Или вскоре вернулся. Он застрелил библиотекаря и...

– Мистера Бэрри? – У Женева Сеттл перехватило дыхание. Она вся напряглась, прямо-таки застыла на месте.

– Точно.

– Во дерьмо! – шепотом сказала Лакиша и закрыла глаза.

Спустя секунду Женева, плотно сжав губы и опустив голову, поставила на стол кружку с какао.

– О нет, нет...

– Сожалею, – сказал Райм. – Он был твоим другом?

Девушка помотала головой:

– Не то чтобы... Просто помогал мне с докладом. – Женева передвинулась на самый край стула. – Какая разница, друг он был или нет? Его убили, и это ужасно. – Потом зло добавила шепотом: – Ну почему? Зачем его убили?

– Думаю, потому что он был свидетелем. Мог опознать нападавшего.

– Значит, он умер из-за меня.

Райм пробормотал что-то успокаивающее: никакой ее вины нет; не она устроила на себя нападение; Бэрри просто не

повезло – оказался в неудачном месте в неудачное время.

Однако его слова не возымели никакого действия. Лицо Женевы окаменело, взгляд стал холодным. Райм понятия не имел, что делать дальше. Мало того что ему пришлось терпеть рядом с собой подростков, теперь их еще надо успокаивать, отвлекать от новой трагедии. Он подкатил кресло поближе к девушкам и, собрав волю в кулак, завел какой-то ничего не значащий разговор.

Глава 5

Через двадцать минут вернулись Сакс и Селитто в компании молодого белокурого патрульного по фамилии Пуласки.

Селитто пояснил, что взял юного патрульного, чтобы помочь им принести и рассортировать собранные улики. Сам Пуласки прямо-таки светился от энтузиазма – совсем еще новичок. Его, очевидно, предупредили о состоянии Райма; молодой офицер старательно не замечал, что детектив парализован. Райм на дух не переносил такого притворства; уж лучше бесцеремонность Лакиши.

«Нет, ну вообще, во дерьмо!»

Детективы поздоровались с девушками. Пуласки взглянул на них сочувственно и дружески справился, как дела. Заметив на его пальце уже не новое обручальное кольцо, Райм сделал вывод о раннем юношеском браке. Так смотреть могут лишь те, у кого есть свои дети.

Лакиша ответила:

– Я в шоке! Какой-то козел набросился на мою подругу! Ужас! А ты как думал?

Женева только сказала, что с ней все нормально.

– За тобой сейчас присматривает кто-то из родных? – спросила ее Сакс.

– Дядя. Будет жить у нас, пока родители не вернутся из Лондона.

Взгляд Райма случайно упал на Лона Селитто. За последние два часа тот сильно переменялся. От прежнего воодушевления не осталось и следа. Глаза стеклянные, весь какой-то дерганый. Райм заметил, что он поминутно трогает щеку и уже натер ее докрасна.

– Тебя что, зацепило? – спросил Райм, вспомнив, что Лон стоял рядом с убитым библиотекарем. Могло царапнуть каменной крошкой, если одна из пуль прошла навывлет и ударилась в стену.

– А? Что? – До Селитто дошло, что он трет себе щеку, и его рука тут же упала. Стараясь говорить тише, чтобы не услышали девушки, он сказал: – Я был рядом с жертвой, и меня немного кровью забрызгало. Ничего, все нормально.

Однако через пару секунд он вновь принялся рассеянно тереть то же место.

Райм вспомнил обыкновение Сакс чесать в затылке или кусать ногти – навязчивая привычка коренилась в ее темпераменте, в необъяснимом метании духа, присущем большинству копов. Полицейские мучают себя сотнями разных способов. У Сакс все ограничивается мелочами, другие офицеры срываются на близких, из-за этого рушатся семьи, ожесточаются детские сердца. Некоторые кончали с собой, засунув в рот дуло служебного пистолета. Но за Лоном Селитто ничего похожего раньше не водилось.

Женева обратилась к Сакс:

– А ошибки здесь никакой нет?

– Ошибки в чем?

– Ну, насчет доктора Бэрри?

– Нет, увы. Он погиб.

Девушка стояла не шелохнувшись. Райм почти физически ощущал ее горе.

И еще злость. Глаза сузились в две яростные черные точки. Затем она глянула на часы и повернулась к Райму:

– Вы не забыли, что у меня тесты?

– Сначала покончим с кое-какими вопросами, а там будет видно. Сакс?

Закончив раскладывать улики и заполнять бумаги, Сакс взяла стул и села возле Райма. Сначала она попросила Женеву рассказать, как все произошло. Девушка объяснила, что искала статью в старом журнале и тут в библиотечный зал кто-то вошел. Послышались шаги, затем смешок, мужской голос сказал кому-то пару прощальных слов, хлопнула крышка мобильного.

Женева прищурилась.

– Послушайте-ка, а может, стоит проверить всех операторов мобильной связи в Нью-Йорке, узнать, кто звонил?

Райм усмехнулся:

– Неплохая идея. Но в Манхэттене каждую секунду говорят по сотовому около пятидесяти тысяч абонентов. Да и вряд ли он на самом деле звонил.

– Просто так шифровался? Откуда ты знаешь? – Лакиша украдкой сунула в рот две жевательные пластинки.

– Я не сказал, что знаю. Только предполагаю. Все его действия имели одну цель – заставить Женеву ослабить бдительность. На людей, разговаривающих по мобильному, редко обращают внимание.

Женева закивала.

– Точно, когда он вошел, мне сначала стало не по себе. Потом я услышала, как он разговаривает по телефону. У меня мелькнула мысль, что неприлично вести себя так в библиотеке, но страх пропал.

– Что было дальше? – спросила Сакс.

Женева рассказала, как услышала второй щелчок – вроде бы от пистолета, а потом увидела человека в лыжной маске. Как разобрала манекен и натянула на него свою одежду.

– Клево, – с гордостью вставила Лакиша. – Мозговитая у меня подруга.

Райм мысленно с ней согласился.

– Я пряталась за книжными полками, а когда он подошел к столу, бросилась к пожарному выходу.

– Ты сумела его рассмотреть? – спросила Сакс.

– Нет.

– Какого цвета была маска?

– Темного, точнее не скажу.

– А остальная одежда?

– На самом деле я почти ничего не видела. Во всяком случае, ничего не помню. Меня просто прибило.

– Да уж, можно представить, – кивнула Сакс. – А когда

ты стояла за стеллажами, ты за ним наблюдала? Ну, чтобы выбрать момент для побега?

Женева сдвинула брови.

– А ведь точно – смотрела. Совсем из головы вылетело. Подглядывала из-за нижних полок, дожидаясь, когда он подойдет к столу.

– Тогда, может, ты все-таки смогла еще что-нибудь разглядеть?

– Ой, и правда, кое-что вспомнила. Кажется, на ногах у него были коричневые ботинки. Точно, коричневые, только не темные, а более светлого оттенка.

– Отлично. А брюки?

– Темные, я уверена. Но видела я только отвороты.

– А запахи какие-нибудь уловила?

– Нет... хотя постойте. Да. Был какой-то сладковатый запах, вроде цветочного.

– Ладно, что дальше?

– Он подошел к стулу, раздался жуткий хруст и еще несколько звуков. Как будто что-то разбилось.

– Аппарат для микрофиш. Он его расколотил, – сказала Сакс.

– В тот момент я уже неслась к пожарному выходу. Сбежала по лестнице, на улице нашла Лакишу, и мы вместе решили бежать. Потом я подумала, что он может напасть на кого-то еще. Мы повернули назад, – Женева посмотрела на Пуласки, – и увидели вас.

Обращаясь к Лакише, Сакс спросила:

– Ты видела нападавшего?

– Нет. Я проветривалась на улице, и вдруг Жен несется ко мне со всех ног, глаза бешеные, можете представить. Но сама я ничего не видела.

Райм спросил у Селитто:

– Преступник застрелил библиотекаря, потому что тот был свидетелем. Так что видел Бэрри?

– Сказал, что ничего. Принес мне список белых сотрудников музея на тот случай, если это кто-то из них. Таких оказалось двое, обоих проверили. Один в момент нападения отвозил дочь в школу, второй находился в главном офисе на глазах у многих свидетелей.

– Значит, наш деятель – импровизатор, – вслух предположила Сакс. – Увидел, как девушка входит в музей, и двинулся следом.

– Почему музей? – задумчиво проговорил Райм. – Странный выбор.

Обращаясь к обеим девушкам, Селитто спросил:

– За вами сегодня никто не увязывался?

Лакиша сказала:

– Мы добирались на подземке, в самый час пик. Народу было тучища – не продохнуть. Я никаких чудиков не заметила. А ты?

Женева помотала головой.

– В последние дни к вам кто-нибудь приставал?

Ни та ни другая не смогли припомнить ничего подобного. Женева смущенно сказала:

– Вообще ко мне не особо липнут. Габариты не те и буфера незачетные.

– Чего-чего?

– Нефигуристая она, – перевела Лакиша, у которой явно с габаритами и буферами все было в порядке. Потом нахмурилась и глянула на Женеву. – Ты чего, подруга? Не надо так о себе.

Сакс заметила на лице Райма напряженное выражение.

– О чем задумался? – спросила она.

– Что-то здесь не вяжется. Давайте-ка, пока Женева здесь, пройдемся по уликам. Может, с ее помощью удастся кое-что лучше понять.

Но девушка, помотав головой, приподняла руку с часами:

– У меня тесты.

– Времени много не займет, – успокоил ее Райм.

Женева посмотрела на подругу:

– Ты еще успеешь на первый урок.

– Нет, я с тобой. Несколько часов торчать за партой и переживать за тебя?

Женева криво усмехнулась:

– Понимаю. – Потом обратилась к Райму: – Вам она больше не нужна?

Тот встретился взглядом с Сакс, которая отрицательно покачала головой. Селитто записал адрес и телефон девушки.

– Мы тебе позвоним, если будут вопросы.

– Лучше возьми выходной, подруга, – сказала Лакиша. –

Просто забей на уроки и посиди дома.

– Увидимся в школе, – твердым тоном ответила ей Женева. – Я там тебя найду? – Одна бровь вопросительно приподнялась. – Отвечаешь?

Два громких щелчка жвачкой, потом вздох.

– Отвечаю.

У самых дверей Лакиша обернулась, посмотрела на Райма:

– Эй, мистер, тебе еще долго на этом кресле кататься?

Никто не осмеливался нарушить неловкое молчание.

Неловкое для всех, кроме него самого.

– На скорое выздоровление рассчитывать не приходится, – ответил криминалист.

– Во дерьмо.

– Это точно, – согласился Райм. – Дерьмо еще то.

Девушка вышла в прихожую, откуда до них донеслось:

«Смотри, куда прешь, козел!» Хлопнула входная дверь.

Глядя через плечо туда, где только что едва увернулся от юной девушки, превосходящей его на пару весовых категорий, в комнату вошел Мэл Купер.

– Ладно, – сказал он, ни к кому в частности не обращаясь, – проехали.

Стянув с плеч зеленую ветровку, он кивком поприветствовал присутствующих.

Несколько лет назад, когда этот худенький лысеющий человек состоял судебным экспертом в захолустном полицейском управлении где-то на севере штата, Райму, который в те времена возглавлял отдел криминалистической экспертизы нью-йоркского управления, пришлось выслушать от него вежливые, но настойчивые разъяснения об ошибочных результатах одного из своих анализов. Райм очень уважал тех, кто в отличие от всяческих лизоблюдов указывал ему на ошибки, разумеется, по делу. А Купер тогда оказался прав. Райм не откладывая начал добиваться его перевода к себе в отдел и довел свою кампанию до успешного завершения.

Купер был не просто прирожденным ученым, но, что еще более важно, прирожденным ученым-криминалистом. Понятие «криминалист» часто увязывают исключительно с работой на месте преступления, тогда как на самом деле оно включает в себя все аспекты представления дела в зале суда. Сырые факты необходимо сделать пригодными для обвинения, только тогда работу криминалиста можно считать успешной.

По всем внешним признакам Купер скорее походил на фаната компьютерных игр: жил у мамы, носил слаксы и хлопчатобумажные рубашки в полоску, сложением не отличался от Вуди Аллена. Однако наружность и тут оказалась обманчивой. Его спутница жизни была высокой эффектной блондинкой. Их часто можно было увидеть порхающими в унисон на танцевальных конкурсах, где они нередко выходили

победителями. А с недавних пор еще взялись за стрельбу по тарелочкам и виноделие – занятие, в котором Купер неуко-чительно делал все по науке.

Сейчас Райм ввел Купера в курс дела, и они приступили к уликам.

– Давайте сначала разберемся с набором, – скомандовал Райм.

Купер натянул латексные перчатки и вопросительно глянул на Сакс. Та указала ему на бумажный пакет с «набором насильника». Купер развернул на столе газету и, распечатав бумажный контейнер, извлек шуршащий полиэтиленовый пакет с большим желтым смайликом. Раскрыв пакет, Купер остановился.

– Чем-то пахнет... – Он глубоко втянул носом воздух. – Цветочный запах. Только не пойму, какой именно. – После чего поднес пакет к Райму, чтобы тот смог понюхать. Аромат казался знакомым, но точное определение ускользало.

– Женева?

– Что?

– Этот запах ты чувствовала в библиотеке?

Поднеся к носу открытый пакетик, девушка сказала:

– Да, точно этот.

Сакс наконец внесла ясность:

– Жасминовый.

– Занесите на доску.

– Какую доску? – спросил Купер, оглядываясь.

Во время каждого расследования Райм требовал чертить маркером таблицу на белой доске и заносить туда все установленные улики и приметы преступников.

– Начните новую таблицу, – скомандовал он. – Нам надо сразу его как-то назвать. Есть идеи?

Но вдохновение никого не посетило.

– Ладно, на творческий поиск нет времени. Сегодня ведь девятое октября? Десять-девять?³ Значит, обозначим его как подозреваемый десять-девять. Том! Без твоего каллиграфического дарования нам не обойтись.

– Зато обойтись без грубой лести, – отозвался Том, входя с горячим кофейником.

– Записывай: объект десять-девять... Приметы и улики. Белый мужчина. Рост?

– Трудно сказать, мне все кажутся высокими. Ну, метр восемьдесят, – произнесла Женева.

– Ты, очевидно, очень наблюдательна, так что положимся на твою оценку. Вес?

– Не то чтобы очень толстый или худой. – Девушка на мгновение смутилась, потом добавила: – Примерно как доктор Бэрри.

– Чуть больше восьмидесяти килограммов, – уточнил Селитто. – Возраст?

³ В США даты записываются в формате месяц/дата/год. Так, например, трагическое одиннадцатое сентября широко известно как событие девять-одиннадцать – 9/11.

– Не знаю – лица я не видела.

– Голос?

– Не обратила внимания... Средний, непримечательный.

Райм продолжил диктовать Тому:

– А также светло-коричневые ботинки, темные брюки, темная лыжная маска. Комплект в пакете с запахом жасмина. Его запахом. Вероятно, мыло или лосьон.

– Какой такой комплект? – переспросил Том.

– Набор насильника. – Женева посмотрела на Райма. – Не надо ради меня ничего подслащивать.

– Что ж, вполне справедливо, – кивнул в ответ Райм. – Идем дальше.

Он заметил, как у Сакс вспыхнуло лицо, когда та увидела пакет.

– В чем дело?

– Держать набор насильника в пакете со смайликом... Какой все-таки урод!

Райм даже слегка растерялся.

– Но ты согласна, что это его промах и нам он только на руку?

– На руку?

– Сужается круг поиска. Хуже, чем пакет с логотипом конкретного магазина, но лучше, чем вообще не помеченный.

– Пожалуй. И все равно... – Ее лицо исказила гримаса.

Мэл Купер начал перебирать содержимое пакета. Первой вынул карту таро с изображением подвешенного за ногу

мужчины. От головы человека расходились лучи света. Выражение лица было странно безразличным. Похоже, боли он не испытывал. Сверху над картинкой стояла римская цифра XII.

– Это тебе о чем-нибудь говорит? – спросил у Женевы Райм.

Девушка помотала головой.

– Что-нибудь культовое или ритуальное? – задумчиво произнес Купер.

– Минуточку.

Сакс достала мобильник и набрала номер.

– Вызвала специалиста. По картам.

– Хорошо.

Купер исследовал карту на отпечатки, но ничего не нашел.

– Что там еще в пакете? – спросил Райм.

– Так... нетронутый рулон клейкой ленты, перочинный нож, презервативы «Троян» – ничего, что можно было бы отследить. И приготовились... фокус-покус! – В приподнятой руке Купер сжимал какой-то клочок бумаги. – Квитанция о покупке!

Райм подкатился поближе, чтобы взглянуть на бумажку. Названия магазина отбито не было; обычный кассовый чек. Бледно пропечатанный.

– Это нам мало что даст, – поделился мыслью Пуласки и сразу пожалел, что открыл рот.

«Зачем он вообще здесь, – удивленно подумал Райм. – Ах

да, помогает Селитто».

– Позвольте не согласиться. – Голос Райма прозвучал резко. – Нам это о многом говорит. Сравните ценники на предметах с квитанцией – он все купил в одном магазине, а также еще что-то за пять девяносто пять, чего нет в пакете. Вероятно, колоду таро. И что мы имеем? Магазин, в котором продают клейкую ленту, перочинные ножи и презервативы. Скорее всего, универсам или аптекарский магазин широкого профиля. Понятно, что магазин не фирменный, потому что ни на пакете, ни на чеке нет логотипа; очевидно также, малобюджетный, поскольку кассовый аппарат не компьютеризированный. О низких ценах я и не говорю. А расположен он, судя по налогу с продаж... – Райм прищурился, подсчитывая процентную ставку налога по итоговой сумме. – Черт, кто в ладах с математикой? Высчитайте процент.

– У меня есть калькулятор. – Купер принялся хлопать себя по карманам.

Женеве хватило одного взгляда на чек.

– Восемь, запятая, шестьсот двадцать пять.

– Как это ты? – удивилась Сакс.

– Просто могу, и все, – ответила девушка.

Райм повторил вслух:

– Восемь, запятая, шестьсот двадцать пять – городской налог плюс налог штата. Значит, магазин в одном из пяти городских районов. – Взгляд в сторону Пуласки. – Ну как, патрульный, по-прежнему считаете, что это нам мало говорит?

– Все понял, сэр.

– Формально я больше не на службе, так что «сэр» – лишнее. Теперь: проверьте все улики на отпечатки. Посмотрим, что удастся найти.

– Мне проверить? – нерешительно спросил молодой офицер.

– Нет. Я это им.

Чтобы снять отпечатки с разных материалов, Купер и Сакс использовали разные методы. Для гладких поверхностей применялись флуоресцирующий порошок и пары суперклея, для пористых – пары йода и нингидрин. В результате отпечатки можно было увидеть либо невооруженным глазом, либо в определенном диапазоне спектра.

Наконец Купер поднял голову и обвел всех взглядом из-за оранжевых стекол специальных очков:

– Одинаковые отпечатки на чеке и на всех остальных предметах. Только вряд ли они принадлежат мужчине ростом под метр восемьдесят – очень уж маленькие. Мое мнение: их оставила либо миниатюрная женщина, либо девушка-подросток – кассирша в магазине. Есть также смазанные следы, из чего заключаю, что преступник стер свои «пальчики».

Маслянистые и органические соединения, которые выделяет человеческая кожа, не так просто удалить полностью, однако достаточно слегка протереть поверхность, чтобы сделать отпечатки непригодными для идентификации.

– Проверьте все, что удалось снять, по федеральной базе.

Купер перенес оттиски на специальную пленку, затем отсканировал. Десять минут спустя поступил результат проверки по системе IAFIS. Ни в одной из основных баз федерального уровня, а также базах города и штата совпадений не обнаружилось. Купер дополнительно отправил запросы в несколько местных баз данных, не входящих в единую систему ФБР.

– Теперь по обуви, – скомандовал Райм.

Сакс показала ему снятый на месте происшествия электростатический отпечаток. Подошвы изношенные – ботинки явно не новые.

– Одиннадцатый размер, – заключил Купер.

Размер ноги приблизительно соотносится с ростом и типом телосложения, хотя в суде такая связь не считается твердым доказательством. Тем не менее размер обуви преступника говорил о том, что Женева правильно оценила его рост.

– Марку установить можно?

Купер проверил скан отпечатка по базе данных и нашел соответствие.

– Прогулочные туфли «Басс». Им, должно быть, не меньше трех лет – тогда прекратился выпуск этой модели.

– Судя по износу подошвы, правая нога у нашего объекта слегка вывернута наружу, но без заметной хромоты, серьезных бурситов, вросших ногтей и прочих *malades des pieds*.

– Не знал, что ты говоришь по-французски, Линкольн, –

заметил Купер.

На самом деле Райм французским не владел, а о выражении «malades des pieds» – «болезни ног» – узнал, когда по ходу дела о недостающих правых ботинках беседовал с полицейским-французом.

– Что с остальными образцами?

Купер принялся за пакетики с мельчайшими частичками, собранными Сакс при помощи липкого валика, вроде тех, которыми снимают с одежды волосы или шерсть. В таком деле валики удобнее ручных пылесосов.

Купер нацепил на нос очки, пинцетом достал из пакетика микроскопические частицы, разложил их по предметным стеклышкам и вставил в микроскоп. Затем настроил увеличение и навел резкость. На плоских компьютерных мониторах, развешанных и расставленных по всей комнате, возникло изображение, которое Райм, развернув кресло, начал внимательно разглядывать. Какие-то точки, похожие на пылинки, несколько волокон, белые пушистые хлопья и еще нечто напоминающее крошечные, янтарного цвета скорлупки – экзоскелеты насекомых. Когда Купер повернул предметный столик микроскопа, стали видны какие-то пористые шарики из грязного волокнистого материала.

– Откуда эти образцы?

Сакс сверилась с подписями на бирках.

– Источников два: пол у стола, за которым сидела Женева, и то место за мусорным баком, откуда преступник стрелял

в Бэрри.

Трасологические образцы, взятые в публичных местах, редко оказываются полезными. Слишком велика вероятность того, что микроскопический материал занесен случайными людьми. Однако сходные элементы, обнаруженные в образцах с двух разных участков, почти однозначно указывают на принадлежность преступнику.

– Благодарю тебя, Господи, – сказал Райм, – что ты сотворил ботинки с рельефной подошвой.

Сакс с Томом переглянулись.

– Чего это вы коситесь? – спросил Райм, продолжая смотреть на экран. – Удивлены? А я, между прочим, тоже могу пошутить.

– В кои-то веки, – пробормотал его помощник.

– Как твой радар клише, Лон? Засек передачу? Ладно, возвращаемся к делу. Мы установили, что образцы принадлежат объекту. Но что это такое? Могут ли они вывести нас на его берлогу?

Анализируя улики, ученый-криминалист должен решить пирамидально усложняющуюся задачу. Первое и, как правило, самое простое – идентифицировать исследуемый образец (установить, что бурое пятно – кровь, а также человеческая она или животная; или что крошечный кусочек свинца – это фрагмент пули).

Далее следует классифицировать образец, то есть занести его в подкатегорию (установить резус-фактор и группу кро-

ви, а по фрагменту пули – калибр оружия). Для полиции или судебного обвинителя принадлежность улики к определенному классу может оказаться полезной, если выявлена связь между подозреваемым и другими уликами: на рубашке обнаружено пятно крови той же группы и резус-фактора, подозреваемый владеет оружием того же калибра. Однако прямым доказательством такая связь не считается.

И наконец, главная задача любого криминалиста – установить индивидуальную принадлежность улики, выявить однозначную связь с определенным лицом или местом (ДНК крови на рубашке подозреваемого совпадает с ДНК крови жертвы; на пуле имеется уникальная отметина, которую мог оставить только пистолет подозреваемого).

Сейчас Райм с коллегами стояли на самой первой ступени криминалистической пирамиды. Взять, к примеру, волокна. В США ежегодно производятся тысячи различных типов волокон и ничуть не меньше красителей, однако несколько сузить задачу им все-таки удалось. Купер установил, что волокна, оставленные преступником, не животного или неорганического происхождения, а растительного и что они относительно толстые.

– Веревка из хлопковых нитей, – предположил Райм.

Купер, просматривающий базу растительных волокон, кивнул:

– Да, все верно. Но производителя установить невозможно.

Одно из волокон было чистым, зато на другом имелся какой-то красящий агент бурого цвета. Купер предположил, что это кровь, что вскоре и подтвердилось с помощью фенолфталеинового исследования на наличие следов крови.

– Его кровь? – поинтересовался Селитто.

– Как знать? – рассматривая образец, ответил Купер. – Но определенно человеческая. Концы волокон сдавлены и повреждены. Я бы сказал, что это удавка. С подобным мы уже сталкивались. Скорее всего, это и было предполагаемым орудием убийства.

Тупым тяжелым предметом преступник планировал не убить, а только оглушить жертву (забить человека насмерть – дело трудное и грязное). Конечно, у него был пистолет, но, чтобы не поднимать шума и уйти незамеченным, такой способ убийства не годился. А вот удавка, напротив, имела смысл.

Женева вздохнула:

– Мистер Райм, мой тест.

– Тест?

– В школе.

– Ах да, минуточку... Мне надо знать, какому насекомому принадлежат найденные экзоскелеты.

Сакс обратилась к Пуласки:

– Офицер.

– Слушаю, мэ... детектив.

– Не откажетесь немного помочь?

– Буду рад.

Распечатав на цветном принтере фрагмент экзоскелета, Купер вручил листок новичку. Сакс усадила его перед монитором компьютера, набрав на клавиатуре команды доступа к энтомологической базе данных. Полицейское управление Нью-Йорка, одно из немногих в мире, располагало не только огромным набором данных по насекомым, но и штатным криминалистом-энтомологом. После небольшой паузы экран начал быстро заполняться ярлычками с изображениями разных частей насекомых.

– Ого, сколько их тут! Вообще-то, я ничем таким раньше не занимался... – Пуласки напряженно щурился на экран, по которому мелькали картинки.

Сакс едва сдержала улыбку.

– Не совсем то же, что дежурить на месте происшествия, да? Прокручивай их помедленнее и старайся уловить наибольшее сходство с образцом. Тут главное – не торопиться.

Райм добавил:

– В криминалистической экспертизе ошибки чаще всего происходят из-за спешки персонала.

– Я не знал.

– Зато теперь в курсе, – подытожила Сакс.

Глава 6

– Что это, черт возьми, за белые плюхи? Мне нужен анализ, – распорядился Райм.

Мэл Купер отделил несколько образцов от липучки и поместил их в хромато-масс-спектрометр. Анализ занял около четверти часа, и пока остальные дожидались результатов, Купер по частицам восстановил пулю, которую врачи извлекли из ноги раненой женщины. Стреляли, скорее всего, из револьвера – не удалось найти ни одной гильзы.

Разглядывая зажатые пинцетом осколки, Купер произнес вполголоса:

– Ого, жуть какая. Калибр всего двадцать второй, а патроны – «магнум».

– Отлично. – Райм был доволен, потому что мощные магнумовские патроны редки и отследить их легче. И стреляли из револьвера, что также сужает поиск.

Сакс, сама большой знаток стрельбы из ручного оружия, сказала не глядя:

– Такие, насколько я знаю, производит только «Норт американ армз». Возможно, «Черная вдова», но скорее всего «Мини-мастер». Четырехдюймовый ствол повышает точность, а наш объект стрелял очень кучно.

Райм обратился к корпящему над уликами эксперту:

– Мэл, а в каком смысле «жуть»?

– Взгляните.

Райм, Сакс и Селитто придвинулись поближе к столу, на котором Купер пинцетом разбирал залепленные кровью металлические фрагменты.

– Похоже, сам отливал.

– Разрывные?

– Если бы просто разрывные! Пуля полая, с тонкими свинцовыми стенками, была нашпигована вот этим.

На газете лежали с полдюжины крошечных иголок почти в сантиметр длиной. При попадании свинцовая оболочка разрушается, и стальные шипы веером пронизывают тело. Несмотря на малый калибр, такие пули гораздо разрушительнее обычных. Их назначение – не остановить нападающего, а причинить максимальный ущерб внутренним органам. И ранения нестерпимо болезненны.

Пристально глядя на иглы, Лон Селитто потряс головой и потер невидимое пятно на щеке, видимо думая о том, как сам чуть не схлопотал такую пулю.

– О боже... – Он откашлялся, смущенно хохотнул и отошел от стола.

В отличие от лейтенанта Женева отреагировала гораздо спокойнее. Ей как будто и дела не было до того, чем вооружен напавший на нее преступник. Снова взглянув на часы, она нетерпеливо нахохлилась.

Купер отсканировал самые крупные фрагменты пули и сделал по ним запрос через IBIS, Интегрированную компью-

терную систему баллистической экспертизы, которой пользуются не меньше тысячи полицейских управлений по всей стране, а также через фэбээровскую систему DRUGFIRE. Это огромные компьютерные базы данных, в которых по гильзе, пуле или отдельным фрагментам можно, например, быстро определить, была ли пуля, извлеченная из тела жертвы пять лет назад, выпущена из того же оружия, что сегодня изъяли у подозреваемого.

Однако проверка дала отрицательные результаты, а сами металлические шипы оказались обломками швейных иголок, какие продаются в любом магазине.

– Просто никогда не бывает, – пробормотал Купер.

Райм заставил его проверить всех зарегистрированных владельцев револьверов «Мини-мастер» и «Черная вдова» 22-го калибра. В списке насчитывалось около тысячи человек, и ни за одним из них не числилось преступлений. Закон не требует от владельцев оружейных магазинов следить за судьбой своих клиентов, поэтому такой информации у них просто не было. На данный момент оружие не дало никаких зацепок.

– Пуласки? – прогремел Райм. – Ну что там с этим жучком?

– В смысле с экзоскелетом – так ведь вы, кажется, его называли? Вы его имеете в виду, сэр?

– Да-да-да, его. Ну так что там?

– Пока никаких результатов. А что такое экзоскелет?

Райм не ответил. Глянув на экран монитора, он увидел, что молодой офицер едва приступил к отряду полужесткокрылых и до конца ему еще далеко.

– Продолжай и не отвлекайся.

Компьютер спектрометра просигналил о завершении анализа. На экране отобразилась ломаная кривая с несколькими строками текста.

Купер наклонился поближе и прокомментировал:

– Итак, вот что мы имеем: куркумин, диметоксикуркумин, бисдиметоксикуркумин, летучие масла, аминокислоты, лизин с триптофаном, треонин, изолейцин, хлорид, следы различных белков, большое содержание крахмалов, масел, триглицеридов, натрия, полисахаридов... Впервые встречаю подобное сочетание.

В том, что касается определения составных компонентов, хромато-масс-спектрометрия способна творить чудеса, но не очень годится для определения целого. Кое-что, например бензин или взрывчатку, Райму нередко удавалось вычислить по результатам анализа. Однако такого состава он еще не видел. Слегка склонив набок голову, он принялся группировать те компоненты из списка, которые, с точки зрения его как ученого, соотносились друг с другом.

– Куркумин, его производные и полисахариды, очевидно, связаны между собой.

– Очевидно, – язвительно заметила Сакс, которая в школьные годы научным дисциплинам предпочитала авто-

гонки.

– Обозначим их «вещество номер один». Далее, аминокислоты, прочие белки, крахмалы и триглицериды тоже часто встречаются вместе. Их мы обозначим как «вещество номер два». Хлорид...

– Это яд, верно? – подал голос Пуласки.

– ...натрия, вероятнее всего, обычная поваренная соль. – Взгляд в сторону Пуласки. – Вещество, опасное только для людей с повышенным артериальным давлением. И для садовых слизняков.

Новичок снова вернулся к насекомым.

– Аминокислоты, крахмалы, масла наводят меня на мысль, что вещество номер два – какая-то еда, что-то соленое. Мэл, проверь по Сети, в каких продуктах используется куркумин.

Через несколько секунд Купер ответил:

– Ты прав, куркумин – натуральный краситель для пищевых продуктов. Часто встречается в сочетании с остальными ингредиентами вещества номер один, а также с летучими маслами.

– В каких именно пищевых продуктах?

– Сотни наименований.

– Нельзя ли что-нибудь поконкретнее?

Купер принялся зачитывать длинный перечень, но Райм его прервал:

– Подожди-ка, а попкорн в списке есть?

– Так, посмотрим... да, есть.

Райм развернулся к Пуласки и бросил:

– Можешь закончить.

– Как закончить?

– Это не экзоскелет, это шелуха кукурузных зерен. Мог бы сразу догадаться, черт бы меня побрал! – Ругательство, однако, вышло беззлобным. – Том, записывай. Наш подопечный – любитель воздушной кукурузы.

– Мне так и записать?

– Разумеется, нет. Может, он попкорн на дух не переносит. Может, работает на фабрике, где его производят, или в кинотеатре. Просто запиши: «попкорн». – Райм посмотрел на доску. – А теперь давайте займемся тем другим следом, бело-желтоватой субстанцией.

Купер запустил образец на анализ. Результаты показали, что вещество состоит из сахарозы и мочевой кислоты.

– Кислота концентрированная, – уточнил техник. – Сахар чистый, без примесей, структура кристаллов уникальна. Никогда не видел такого помола.

Райма эта новость обеспокоила.

– Пошли запрос взрывникам в ФБР.

– Взрывникам? – удивился Селитто.

– В мою книгу и не заглядывал, да?

– Не было времени. Ловил плохих парней, – парировал толстяк-детектив.

– Принимается. Но не мешало хотя бы заголовки просмат-

ривать время от времени. Например: «Самодельные взрывные устройства». Сахар часто используется как один из ингредиентов. Смешай его с натриевой селитрой, и получится дымовая шашка; смешай с перманганатом калия, получится низкомоощная взрывчатка, которой, однако, хватит, чтобы наделать дел, если набить ее в обрезок трубы. Не знаю, как сюда вписывается мочева кислота, но в Бюро разберутся – у них лучшая база в мире.

По запросу местных и окружных правоохранительных органов лаборатория ФБР берется бесплатно проводить анализ улики при условии, что запрашивающая сторона обязуется считать предоставленные Бюро результаты окончательными и не скрывать их от адвокатов подсудимого. Таких экспертиз ежегодно проводится около семисот тысяч.

Даже лучшим нью-йоркским детективам пришлось бы долго ждать очереди, однако у Линкольна Райма в Бюро был «свой человек». Фред Деллрей, специальный агент манхэттенского отдела, часто сотрудничавший с Раймом и Селитто, пользовался в своей организации немалым авторитетом. Не последнюю роль также играло то, что Райм в свое время помогал Бюро организовать спецотдел по сбору вещественных доказательств, сокращенно – PERT⁴.

Селитто позвонил Деллрею, который сейчас был занят в оперативном штабе по отработке донесений о возможных бомбовых терактах в Нью-Йорке. Деллрей связался со штаб-

⁴ От *англ.* Physical Evidence Response Team.

квартирой ФБР в Вашингтоне, и уже через несколько минут на помощь по делу объекта 10-9 был выделен федеральный эксперт. Купер зашифрованным электронным сообщением выслал ему результаты анализа и цифровые фотографии следов вещества.

Не прошло и десяти минут, как зазвонил телефон.

– Команда: «ответить», – выпалил Райм в микрофон.

– Будьте добры детектива Райма.

– Райм слушает.

– Говорит агент Филлипс из штаба на Девятой.

Имелась в виду штаб-квартира ФБР в Вашингтоне.

– Чем можете нас порадовать? – оживился Райм.

– И спасибо за то, что так быстро откликнулись, – торопливо вставила Сакс. Ей нередко приходилось встречать в разговор, чтобы несколько сгладить прямолинейность Райма.

– Пустяки, мэм. В общем, то, что вы прислали, меня несколько озадачило, и я передал ваш запрос в исследовательскую лабораторию. Там разобрались. Можем назвать вещество с девяностосемипроцентной долей вероятности.

«Насколько же оно взрывоопасно?» – подумал Райм, а вслух сказал:

– Говорите, я слушаю. Что это?

– Сахарная вата.

Такого жаргонизма Райм еще не слышал. Конечно, сейчас существовали взрывчатые вещества нового поколения со

скоростью детонации до тридцати тысяч футов в секунду, в десять раз превышающей начальную скорость пули. Неужели одно из них?

– Каковы его характеристики?

Короткая пауза.

– Оно очень приятно на вкус.

– Как это?

– Сладкое, очень приятно на вкус.

– Вы имеете в виду, это обычная сахарная вата вроде той, что торгуют на ярмарках?

– Ну да, а вы что подумали?

– Ничего особенного. – Глубокий вздох. – А мочева кислота на подошвах означает, что он наступил в собачью мочу где-нибудь на тротуаре?

– Где именно он в нее наступил, сказать не могу, – с характерной для сотрудников Бюро пунктуальностью ответил эксперт. – Но то, что тест на собачью мочу дает положительный результат, – это факт.

Поблагодарив собеседника, Райм повернулся к присутствующим.

– Итак, в следах обуви одновременно присутствуют попкорн и сладкая вата, – вслух размышлял он. – Как это его характеризует?

– Футбольный фанат?

– Нью-йоркские команды в последнее время не проводили домашних игр. Я больше склоняюсь к тому, что наш объект

гулял в каком-то месте, где недавно проходила ярмарка. – Райм обратился к Женеве: – Ты в последнее время не ходила на ярмарки? Мог он тебя там увидеть?

– Я? Нет. Не люблю ярмарки.

Райм перевел взгляд на новобранца:

– Раз вы теперь свободны, патрульный, садитесь на телефон и выясните, какие площадки в последнюю пару дней отводились для проведения ярмарок, карнавалов, фестивалей, религиозных празднеств и других подобных мероприятий.

– Уже делаю, – ответил молодой офицер.

– Так, что у нас еще есть? – продолжил Райм.

– Чешуйки с того места на корпусе аппарата для микрофиш, где был контакт при ударе тяжелым предметом.

– Чешуйки?

– Да, вероятно, следы лака, которым покрыт этот тупой тяжелый предмет.

– Хорошо. Отправьте запрос в Мэриленд.

В Мэриленде у ФБР находилась огромная база данных с образцами лакокрасочных материалов, которую в основном использовали для идентификации автомобилей по следам краски. После очередного звонка Деллрею Купер отправил результаты анализа лаковых чешуек и другие данные в лабораторию ФБР. Через несколько минут раздался звонок, и эксперт из Бюро доложил, что присланный лак используется в производстве снаряжения для боевых искусств вроде нун-

чаков. После чего сообщил удручающую новость, что вещество не содержит никаких характерных примесей и продается большими партиями – другими словами, отследить его практически нельзя.

– Итак, что мы имеем? Насильник, вооруженный нунчаками, разрывными пулями и удавкой со следами крови... Просто кошмар ходячий.

Позвонили в дверь. Спустя минуту Том ввел в комнату девушку лет двадцати пяти.

– Взгляните, кто к нам пришел, – объявил он.

Девушка была стройная, с колючими на вид, выкрашенными в фиолетовый цвет волосами и миловидным лицом. Обтягивающие свитер и брюки подчеркивали ее спортивную фигуру.

– Кара! Рад снова тебя видеть. Ты, очевидно, тот самый специалист, которого вызвала Сакс?

– Привет! – Девушка обняла Амелию, поздоровалась с остальными и взяла руки Райма в свои. Сакс представила ей Женеву, холодно взглянувшую на странную визитершу.

Кара (актерский псевдоним, настоящего имени она не раскрывала) как иллюзионистка и исполнительница трюков консультировала Райма и Сакс во время расследования убийства, когда преступник, чтобы подобраться к своим жертвам, совершить убийство и скрыться, использовал навыки фокусника⁵.

⁵ См. роман Дж. Дивера «Исчезнувший».

Жила она в Гринвич-Виллидж, но, когда позвонила Сакс, как раз была у матери в доме престарелых. Подруги успели обменяться последними новостями: Кара готовила шоу одного актера для «Перфоманс вэрхаус» в Сохо и встречалась с акробатом.

– Мы бы хотели узнать твое мнение, – объяснил Райм.

– Догадываюсь, – ответила девушка. – Чем могу, помогу.

Сакс ввела ее в курс дела. Услышав о попытке изнасилования, Кара возмущенно сдвинула брови и шепнула Женеве:

– Сочувствую.

Девочка только безучастно пожала плечами.

– И вот что среди прочего у него было... – Купер приподнял карту с изображением повешенного. – Можешь что-нибудь рассказать?

Кара поведала им, что есть обычные фокусники, не претендующие на сверхъестественность, а есть оккультисты, выдающие себя за магов и колдунов. Последних Кара на дух не выносила; себя она считала обычным иллюзионистом, хотя некоторое время работала в магазине оккультных принадлежностей и поэтому имела кое-какое представление и о гадании.

– В общем, таро – это старинный способ предсказания будущего, которым пользовались еще древние египтяне. Колода таро делится на младшие арканы, которые соответствуют игровой колоде из пятидесяти двух карт, и старшие, пронумерованные от нуля до двадцати одного и олицетворяю-

щие вехи жизненного пути. «Повешенный» – двенадцатая карта старших арканов. – Кара мотнула головой. – Что-то здесь не вяжется...

– Что? – слегка потирая щеку, спросил Селитто.

– Карта вовсе не такая плохая. Взгляните на изображение.

– Да, верно, вид у повешенного вполне безмятежный, учитывая, что висит он вниз головой, – согласилась Сакс.

– В основе образа – скандинавский бог Один, который провисел вниз головой в течение девяти дней в поиске внутреннего знания. Когда «Повешенный» выпадает при гадании, это означает, что вам суждено отправиться на поиск духовного просвещения. – Кара кивнула на компьютер. – Можно?

Купер взмахнул рукой, приглашая ее к монитору. Несколько секунд поиска в «Гугле», и Кара нашла нужный веб-сайт.

– Как распечатать?

Сакс ей показала, и через минуту из принтера выполз бумажный лист. Купер липкой лентой наклеил его на доску для улик. Кара прокомментировала:

– Вот и определение.

«Повешенный» не означает наказание для кого-либо. Появление этой карты указывает на духовный поиск, который ведет к принятию решения, переходному периоду, смене жизненного пути. Часто карта предрекает подчинение обсто-

ательствам, отказ от борьбы, смирение с тем, что есть. Если она выпадает вам при гадании, вы должны прислушаться к своему внутреннему Я, пусть даже это на первый взгляд противоречит здравому смыслу.

Кара сказала:

– Образ «Повешенного» не имеет ничего общего с насилием или смертью, он означает духовную неопределенность, ожидание. – Она покачала головой. – Это не та карта, какую мог бы выбрать убийца, разбирайся он хоть немного в таро. Тут подошла бы «Башня» или один из младших арканов масти «мечей» – именно они предрекают дурное.

– Значит, он выбрал ее только из-за того, что ему она показалась зловещей, – резюмировал Райм. – И еще потому, что планировал задушить, то есть «повесить», жертву.

– Думаю, так.

– Спасибо, – сказал Райм.

Сакс тоже ее поблагодарила.

– Пора возвращаться – надо еще репетировать. – Кара пожала Женеве руку. – Надеюсь, у тебя все обойдется.

– Спасибо.

Кара направилась к выходу, но у самой двери обернулась и посмотрела на девушку:

– Ты любишь фокусы и магические представления?

– Мне редко приходится выбираться, – сказала Женева. –

Школа отнимает много времени.

– В общем, так. Через три недели у меня представление. Если тебе интересно, вся информация на билете.

– Где-где?

– На билете.

– Но у меня нет билета!

– Конечно есть. В сумочке. Ах да, для чего там цветок?

Считай его талисманом на удачу.

Кара вышла. Все услышали, как хлопнула дверь.

– О чем это она? – недоуменно спросила Женева, глядя на закрытую сумочку.

Сакс рассмеялась:

– А ты посмотри.

Расстегнув молнию, Женева заморгала от удивления. Внутри лежал билет на представление Кары, а рядом – сухая фиалка.

– Как она это сделала? – прошептала Женева.

– Нам ни разу не удалось ее подловить, – ответил Райм. – Одно ясно: она чертовски ловкая.

– Вот уж точно. – Девушка приподняла цветок.

Взгляд детектива привлекла карта, которую Купер припиливал к доске для улик рядом с распечаткой.

– Итак, выбором карты преступник только создает видимость, будто нападение совершено по оккультным мотивам. На самом деле он понятия не имеет о ее истинном смысле. А значит... – Райм умолк, разглядывая таблицу с уликами. – Господи!

Остальные уставились на него.

– Что? – спросил Купер.

– Мы все неверно истолковали.

Селитто оторвал пальцы от лица.

– То есть как?

– Помните отпечатки на предметах из «набора насильника»? Свои он стер, так?

– Так, – подтвердил Купер.

– Но все-таки отпечатки там есть, – развивал мысль Райм. – И скорее всего, принадлежат кассирше, поскольку совпадают с отпечатками на чеке.

– Верно. Ну и что? – Селитто пожал плечами.

– А значит, свои он стер еще до того, как подошел к кассе.

Прямо там, в магазине.

Никто не проронил ни слова. Райма задело, что никто не уловил его мысль. Он продолжал:

– Преступник и хотел, чтобы на всех предметах остались отпечатки кассирши.

Сакс догадалась:

– Он планировал оставить пакет на месте нападения специально для нас.

Пуласки понимающе закивал:

– Иначе он бы стер все отпечатки, когда принес покупку домой.

– Вот именно, – с торжествующими нотками в голосе произнес Райм. – Думаю, улики он подбросил специально, что-

бы изобразить изнасилование по каким-то оккультным мотивам. Так-так... давайте-ка отступим на шаг.

Райма позабавило, как при этих словах Пуласки смущенно глянул на его ноги.

– Преступник застаёт Женеву в музее. Вряд ли подходящее место для преступления на сексуальной почве. Дальше наносит ей по голове, вернее, по манекену удар такой силы, каким можно не только надолго оглушить, но и убить. Если так, то зачем ему перочинный ножик и клейкая лента? А еще он оставляет карту таро, которая, как ему кажется, выражает угрозу. Нет-нет, на попытку изнасилования не похоже.

– Что же он тогда замышлял? – спросил Селитто.

– Вот это-то мы и должны выяснить. – Райм немного подумал, затем спросил: – Ты говоришь, доктор Бэрри ничего не видел?

– Так он сам мне сказал.

– И тем не менее наш объект возвращается и убивает его. – Райм нахмурился. – А еще наш мистер Десять-девять расколошматил аппарат для микрофиш. Он ведь профессионал, подобные припадки гнева вряд ли ему свойственны. От него вот-вот уйдет жертва, а он принимается громить вещи только лишь потому, что у него не задался денек? – Райм посмотрел на Женеву. – Ты сказала, что читала какую-то старую газету?

– Да, журнал, – уточнила школьница.

– На том аппарате для микрофиш?

– Ага.

– Вон те кассеты? – Райм кивнул на большой полиэтиленовый пакет с коробкой под микрофиши, которую Сакс прихватила с собой из библиотеки. Места под кассеты один и три пустовали.

Женева проследила за его взглядом и утвердительно кивнула:

– Да, недостает как раз той статьи, которую я читала.

– Ты изъехала ту, что была в аппарате?

Сакс ответила:

– Кассет в аппарате не было. Наверно, забрал с собой.

– И аппарат разбил, чтобы мы не заметили пропажу. О-о, уже интереснее. В чем мотив?

Селитто усмехнулся:

– Я думал, мотив тебя не волнует. Только улики.

– Лон, смотря для чего нам нужен мотив. Одно дело, если мы хотим выстраивать на нем доказательство вины подсудимого, что в лучшем случае будет натяжкой, и другое – если ищем улики. Скажем, человек застрелил партнера по бизнесу из пистолета, который, как мы доказали, хранился в его гараже, был заряжен пулями, купленными им же, судя по чеку, с его же отпечатками пальцев. Тогда какая разница, почему он убил: потому что его заставила собака, говорящая человеческим голосом, или потому что убиенный спал с его женой? Улики – вот что решает дело. Но если у нас нет ни пуль, ни оружия, ни квитанций, ни следов протекторов? То-

гда возникает резонный вопрос: за что поплатилась жертва? Ответ выведет нас на улики, которые не оставят сомнений в виновности подозреваемого. Извиняюсь за лекцию, – добавил Райм без капли сожаления в голосе.

– Настроение уже ни к черту? – спросил Том.

– Я никак не могу уловить что-то важное, и мне это не нравится, – проворчал Райм.

Заметив, как Женева сдвинула брови, он спросил:

– В чем дело?

– Ну... я тут вспомнила... Доктор Бэрри говорил, что кто-то еще интересовался тем же номером журнала. Просил его почитать, но доктор Бэрри сказал – надо дожидаться, пока я закончу.

– Он упомянул, кто это был?

– Нет.

Райм подумал, потом сказал:

– Так-так, давайте-ка поразмыслим. Библиотекарь сообщает объекту, что ты интересовалась тем же журналом. Тот собирается кассеты украсть, а тебя – ликвидировать, потому что ты статью либо прочитала, либо вскоре прочтешь. – Райм, конечно, вовсе не был убежден в реальности такой ситуации, но своими успехами в криминалистике среди прочего был обязан тому, что никогда не отказывался рассматривать самые смелые версии. – И забрал он как раз ту статью, которую ты читала, верно?

Девушка кивнула.

– О чем в ней шла речь?

– Да ничего серьезного, об одном моем предке. Для нашего историка «предки» – любимая тема, вот нам и задали написать о семейных корнях.

– И кем был твой предок?

– Прапрапра-кто-то-там – вольноотпущенник. Я пришла в музей на прошлой неделе и узнала, что в одном номере «Иллюстрированного еженедельника для цветных» есть про него статья. Журнала в библиотеке не оказалось, и доктор Бэрри пообещал принести микрофишу из хранилища. Ее как раз недавно вернули.

– О чем говорилось в статье? – настойчиво повторил Райм.

Девушка на секунду смутилась, затем раздраженно пересказала:

– Чарльз Синглтон, мой предок, был рабом в штате Виргиния. Затем хозяин по идейным соображениям освободил всех невольников. Поскольку Чарльз с женой давно жили в доме хозяина и даже обучали детей хозяина чтению и письму, тот подарил им ферму в штате Нью-Йорк. Чарльз участвовал в Гражданской войне, потом вернулся домой, а в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году его обвинили в краже из фонда образования для черного населения. К тому моменту, когда заявился мужчина в маске, я успела дочитать, как Чарльз, спасаясь от полиции, прыгнул в реку.

Райм обратил внимание на правильность ее речи, но за

слова она цеплялась так, будто ловила норových распознать по углам щенят. С одной стороны, образованные родители, с другой – подружки вроде Лакиши. Стоит ли удивляться, что ее словно растягивает на два лингвистических полюса.

– Так ты не узнала, что с ним случилось дальше? – спросила Сакс.

Женева мотнула головой.

– Считаю, нам следует исходить из того, что объекта интересовала тема твоих изысканий. Кто еще в курсе, над чем ты работаешь? Полагаю, учитель?

– Нет, ни в какие детали я его не посвящала. Да и вообще никого, кроме Лакиши. Она, конечно, могла кому-нибудь сболтнуть, хотя вряд ли. На задания у нее память короткая. На прошлой неделе я ходила в одну адвокатуру в Гарлеме, чтобы узнать, есть ли у них архивные записи о преступлениях девятнадцатого столетия, но и тамошнему юристу я не много сказала. Доктор Бэрри, разумеется, был в курсе.

– И мог упомянуть об этом тому другому, кто интересовался журналом, – подытожил Райм. – Так, а теперь допустим, что наш объект не хочет, чтобы кто-то узнал о чем-то, упоминавшемся в статье. – Взгляд в сторону Сакс. – На месте происшествия кто-нибудь остался?

– Патрульный.

– Пусть опросит сотрудников музея, не упоминал ли Бэрри кого-то, кто интересовался журналом, и обыщет его ра-

бочий стол. – Райму пришла в голову новая мысль. – Также мне нужна распечатка его телефонных звонков за последний месяц.

Селитто недоверчиво потряс головой:

– Линк, в самом деле... ты не видишь здесь натяжки? О чем мы тут говорим? Девятнадцатый век? Это не просто глухарь – это дохлый глухарь.

– Профи подкидывает улики, едва не убивает одного человека, прямо на глазах у полиции стреляет в другого – все ради того, чтобы выкрасть статью? Это, Лон, ты называешь натяжкой?

Пожав плечами, толстяк-детектив позвонил в участок, чтобы оттуда связались с дежурным, оставленным на месте происшествия. Затем позвонил прокурору, чтобы получить ордер на распечатку звонков с домашнего и рабочего телефонов Бэрри.

Райм смерил щуплую школьницу взглядом и решил, что выбора у него нет: придется сообщить ей правду.

– Ты понимаешь, что все это значит?

Повисла тишина. Сакс тревожно взглянула на Женеву: она-то хорошо представляла, что это значит.

– Линкольн хочет сказать, что охота на тебя, скорее всего, не окончена.

– Бред какой-то. – Женева Сеттл недоверчиво потрясла головой.

Выдержав паузу, Райм серьезно сказал:

– Боюсь, что как раз не бред.

В интернет-кафе Томпсон Бойд просматривал веб-сайт местной телекомпании, информация на котором обновлялась почти ежеминутно.

Заголовок свежей статьи гласил: «Убит сотрудник музея – свидетель нападения на школьницу».

Чуть слышно насвистывая, он разглядывал фотографию, на которой у входа в музей библиотекарь разговаривал с полицейским. Внизу стояла подпись: «Доктор Дональд Бэрри разговаривает с полицией незадолго до того, как его расстрелял неизвестный».

Имя несовершеннолетней Женеvy Сеттл не упоминалось, писали просто о гарлемской школьнице. Томпсон Бойд был рад и такой информации. Подключив сотовый к USB-порту компьютера, он скачал сделанную им фотографию на жесткий диск и отправил ее на анонимный электронный адрес.

Затем расплатился – наличными, разумеется, – и неспешным шагом пошел по Бродвею. Купил у торговца кофе в пластиковом стакане, выпил половину, сунул внутрь две коробочки с микрофишами, которые забрал из музея, закрыл крышкой и бросил в урну.

Проходя мимо телефонной будки, он остановился, огляделся и, убедившись, что никто не смотрит, набрал номер. На автоответчике сразу раздался звуковой сигнал.

– Это я. С Женеvой Сеттл возникла проблема. Узнай, в

какую школу она ходит и где живет. Учится в Гарлеме – вот все, что я знаю. Ее фото я отправил тебе на ящик... Да, и еще: если сумеешь позаботиться о ней самостоятельно, получишь пятьдесят штук сверху. Как прослушаешь сообщение, сразу же отзовись. Надо обсудить ситуацию.

Томпсон продиктовал номер таксофона, повесил трубку, вышел и, тихонько насвистывая, принялся ждать. Прежде чем он добрался до четвертого такта «Ты свет моей жизни» Стиви Уандера, в кабинке зазвонил телефон.

Глава 7

Райм посмотрел на Селитто:

– Где Роланд?

– Белл? Он вывозил кого-то из города по программе защиты свидетелей, но уже должен был вернуться. Думаешь, надо его пригласить?

– Надо, – ответил Райм.

Селитто позвонил детективу на мобильный, и по разговору Райм заключил, что Белл готов немедленно к ним выехать. Райм заметил, что Женева нахмурилась.

– Детектив Белл просто будет за тобой присматривать, пока мы со всем не разберемся... А теперь расскажи, если знаешь, в краже чего обвинили твоего предка Чарльза.

– В статье говорилось, то ли денег, то ли золота, то ли еще чего-то.

– Пропавшее золото... Интересно. Корысть – лучше мотива и не придумаешь.

– Твой дядя что-нибудь знает? – спросила Сакс.

– Мой дядя? Ах, ну да, он брат матери. Чарльз приходится мне родственником по отцовской линии, а отец знал совсем немного. Двоюродная бабушка отдала мне несколько писем Чарльза.

– Где они? – спросил Райм.

– Одно у меня с собой. – Девушка покопалась в сумочке

и вынула письмо. – Остальные дома. Бабка говорила, у нее где-то может быть еще несколько коробок с вещами Чарльза, но не помнила, где их искать. – Женева смолкла, между бровями на темном округлом лице пролегли складки. Она повернулась к Сакс. – Можно кое о чем сказать? Вдруг вам пригодится?

– Выкладывай.

– Помню, в одном письме Чарльза упоминается о какой-то тайне.

– Вот как? – переспросила Сакс.

– Да, он пишет, что беспокоится из-за невозможности раскрыть правду. Иначе, мол, произойдет большое несчастье, трагедия.

– Возможно, он имел в виду кражу, – предположил Райм. Женева напряглась.

– Ничего он не крал. Его просто подставили.

– Почему? – поинтересовался Райм.

Девушка пожала плечами.

– Вот, прочтите письмо.

Она протянула бумагу Райму, но тут же спохватилась и отдала письмо Мэлу Куперу.

Техник вложил письмо в сканер, и через минуту изящные рукописные строки девятнадцатого столетия появились на плоских мониторах двадцать первого.

Мистеру и миссис Уильям Додд

для миссис Вайолет Синглтон
Эссекс-Фарм-роуд
Харрисберг, Пенсильвания
14 июля 1863 года

Дорогая Вайолет!

До тебя наверняка доходили новости о тех ужасах, что творились в последнее время в Нью-Йорке. Спешу сообщить, что мир наконец восстановлен, хотя достался он немалой ценой.

Атмосфера царит напряженная. Сотни тысяч обездоленных до сих пор не оправились от последствий экономической паники, захлестнувшей страну несколько лет назад. В «Трибьюн» сообщалось о бессовестных спекуляциях на фондовой бирже и безответственном кредитовании, приведших к тому, что мировые финансовые рынки «полопались как мыльные пузыри».

В такой атмосфере хватило и крохотной искорки, чтобы вспыхнули массовые беспорядки. Этой искрой послужил приказ о призыве в армию, который многие сочли вынужденной, но необходимой мерой в нашей борьбе против мятежных штатов. Тем не менее волна возмущения поднялась более мощная и губительная, чем можно было бы ожидать, а мы – цветные, аболиционисты и республиканцы – стали мишенью для ненависти в той же, если не в большей мере, чем военная полиция на призывных пунктах.

Бунтовщики, в основном ирландцы, избивали цветных, громили конторы и дома. Я был в приюте для чернокожих сирот вместе с двумя учителями и управляющим, когда толпа подожгла здание. А ведь внутри находилось более двух сотен детей! С Божьей помощью нам удалось отвести всех малышей в ближайший полицейский участок, но, будь на то воля бунтовщиков, нас бы всех перебили.

Беспорядки продолжались весь день, а вечером начались суды Линча. Одного негра сначала повесили, потом подожгли тело, и вокруг в пьяном веселье плясала беснующаяся толпа. Это было ужасно!

Я бежал на север и сейчас нахожусь на нашей ферме, где отныне собираюсь учить детей в школе, возделывать сад и по мере сил способствовать освобождению нашего народа.

Дражайшая моя супруга, после столь ужасных событий жизнь представляется мне хрупкой и короточной, и, если ты решишься приехать, я желал бы вскорости вновь увидеть вас с сыном рядом. К сему прилагаю два билета и десять долларов на дорожные траты. Я встречу поезд в Нью-Джерси, а оттуда до фермы мы поднимемся по реке. Мы с тобой будем вместе преподавать, а Джошуа сможет продолжить обучение и подсобит нам с Джеймсом в производстве сидра и в лавке. Если в пути кто-нибудь станет интересоваться, кто вы такие и куда направляетесь, отвечай, что мы только присматриваем за фермой по поручению мистера Триллинга. Та ненависть, которую мне довелось уви-

деть в глазах бунтовщиков, заставила меня осознать, что покоя нам не дадут. Даже в нашей идиллической местности нас могут ждать поджоги, кражи, разбои, если станет известно, что хозяйева фермы – негры.

Там, откуда я родом, меня держали в неволе и считали человеком только на три пятых. Я надеялся, что на Севере все будет иначе... Увы, это пока не так. Трагические события последних дней ясно дают понять, что ни тебя, ни меня – никого из цветных – пока не считают полноценными людьми, а значит, мы и впредь должны бороться за обретение целостности в глазах остальных.

Передай мои самые теплые пожелания своей сестре и Уильяму и, конечно, их детям. Скажи Джошуа, что я горжусь его успехами в географии.

Я живу ради того дня, и, дай Бог, он скоро наступит, когда снова увижу тебя и сына.

Ваш любящий

Чарльз

Женева вынула письмо из сканера, подняла глаза и пояснила:

– Бунты против призыва в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году во время Гражданской войны. Самые разрушительные в истории США.

– Про тайну он не упоминает, – заметил Райм.

– Про тайну в другом письме. Это я вам показала, чтобы

вы поняли, что никакой он не вор.

Райм нахмурился:

– Кража случилась... дай-ка сообразить... через пять лет после письма. Почему ты считаешь, что оно доказывает его невиновность?

– Я имею в виду, что по такому письму его трудно представить вором. Человек, который так пишет, не стал бы обкрадывать фонд образования для бывших рабов.

– Вовсе не обязательно, – просто ответил Райм.

– А по-моему, совершенно ясно. – Девушка снова пробежалась глазами по письму и бережно разгладила лист рукой.

– Что там такое насчет человека на три пятых? – спросил Селитто.

Райм кое-что помнил из истории, но от всего, что не имело прямого отношения к работе криминалиста, избавлялся как от лишнего груза. Он только покачал головой.

Ясность внесла Женева:

– До Гражданской войны раб считался за три пятых человека для формирования представительства в конгрессе. И не подумайте, что дело здесь в злом заговоре Конфедерации, – правило установили северяне. Они вообще не хотели считать рабов, потому что тогда Южные штаты получили бы в конгрессе численное преимущество. А южане, наоборот, хотели считать рабов за целых людей. Правило «три пятых» стало компромиссным решением.

– Их считали, чтобы набрать представительство, – про-

комментировал Том, – но права голоса они не имели.

– Да, все верно, – подтвердила Женева.

– Кстати, то же было и с женщинами, – добавила Сакс.

Райма социальная история Америки сейчас не интересовала.

– Я хотел бы взглянуть на остальные письма. И надо найти экземпляр журнала – «Иллюстрированного еженедельника для цветных». Какой это номер?

– От двадцать третьего июля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года, – ответила Женева. – Я отыскала его с большим трудом.

– Я постараюсь, – сказал Мэл Купер, и Райм услышал, как его пальцы застучали по клавиатуре компьютера.

Женева снова взглянула на часы:

– Мне правда пора...

– Всем привет, – донесся из прихожей мужской голос.

Через секунду показался и сам детектив Роланд Белл в коричневой спортивной куртке, синей рубашке и джинсах. Родом из Северной Каролины, Белл несколько лет назад по личным причинам перебрался в Нью-Йорк. Неторопливость Белла порой бесила городских коллег, однако Райм считал ее следствием не южного воспитания, а дотошности, происходящей из осознания важности своей работы. Белл специализировался на защите свидетелей и прочих потенциальных жертв. Его подразделение не имело официального статуса, но в шутку именовалось «отрядом специального назначения».

по спасению задниц свидетелей».

– Роланд, знакомься – Женева Сеттл.

– Приветтики, мисс, – протяжно проговорил Белл, пожимая ей руку.

– Телохранители мне не нужны, – твердо заявила Женева.

– Не беспокойся, под ногами мешаться не буду, слово чести, – пообещал Белл. – Невооруженным глазом ты меня не увидишь. – Взгляд в сторону Селитто. – Так что тут у нас?

Толстяк-детектив вкратце изложил все детали. Слушая, Белл не хмурился и не качал головой, однако Райм заметил, как замерли его глаза – знак глубокой озабоченности. Когда Селитто закончил, на лицо Белла вновь вернулось простодушное выражение. Он стал расспрашивать Женеву о ее привычках и о семье, чтобы решить, как лучше организовать защиту. Та отвечала неохотно, словно скупясь на слова.

Когда он закончил, Женева нетерпеливо сказала:

– Мне правда надо идти. Может меня кто-нибудь подвезти до дома? Я отдам остальные письма Чарльза и побегу в школу.

– Детектив Белл тебя подвезет, – сказал Райм и добавил с усмешкой: – Насчет школы мы вроде бы договорились, что ты возьмешь выходной, а тесты сдашь позже.

– Нет, – отрезала она. – Ни о чем мы не договаривались. Вы сказали только: «...сначала покончим с кое-какими вопросами, а там будет видно».

Немногие попрекали Линкольна Райма его же собствен-

ными словами, так что ответил он довольно ворчливо:

– Что бы я ни говорил раньше, раз ясно, что за тобой еще могут охотиться, придется тебе посидеть дома. Твоя жизнь в опасности.

– Мистер Райм, я должна сдать тесты сегодня. Пересдачу могут и не назначить.

Женева раздраженно крутила пальцами петлю на джинсах. Какая она все-таки худенькая. Райм подумал, не из тех ли ее родители фанатов здорового питания, которые держат детей на хлопьях с молоком и соевом творожке. Профессора особенно к этому склонны.

– Сейчас я позвоню в школу, – сказала Сакс. – Объясню, что ты попала в неприятную ситуацию и...

– Мне правда надо идти, – негромко проговорила Женева, глядя Райму прямо в глаза. – Сейчас же.

– Просто побудь дома денек-другой, пока мы не узнаем побольше. Или, – добавил криминалист, – пока его не прищучим.

Он рассчитывал, что это прозвучит весело, хотел блеснуть знанием жаргона, но тут же пожалел о своих словах. На самом деле он не был с ней искренен. Исключительно по причине ее возраста. Точно так же малознакомые люди, увидев Райма в коляске, принимались говорить с нарочитым воодушевлением, раздражая его своей подчеркнутой веселостью.

Вот как сейчас он раздражает Женеву.

Девушка сказала:

– Я была бы благодарна, если бы меня подвезли. Хотя могу доехать и на метро. Но если хотите получить письма, надо отправляться сейчас.

Раздосадованный ее упрямством, Райм категорично заявил:

– Должен ответить отказом.

– Можно попросить у вас телефон?

– Зачем?

– Хочу позвонить одному человеку.

– Кому?

– Юристу, про которого я говорила, – Уэсли Гоудзу. Он раньше работал на крупную страховую компанию, теперь у него своя консультация в Гарлеме.

– И зачем ты хочешь ему звонить? – поинтересовался Селитто.

– Затем, чтобы спросить, вправе ли вы не пускать меня на занятия.

– Это ради твоего же блага, – фыркнул Райм.

– Разве не мне решать?

– Нет, твоим родителям или дяде.

– Не им заканчивать школу будущей весной.

Сакс хихикнула, и Райм бросил на нее мрачный взгляд.

– Речь всего о паре деньков, – подключился Белл.

Не удостоив его ответом, Женева продолжила:

– Мистер Гоудз добился освобождения Джона Дэвида Колсона из тюрьмы Синг-Синг, когда тот уже отсидел десять

лет за убийство, которого не совершал. Дважды или трижды возбуждал иски против Нью-Йорка, я имею в виду сам штат, и пока не проиграл ни одного дела. Совсем недавно он вел дело в Верховном суде касательно прав бездомных.

– И тоже выиграл? – скривив рот, спросил Райм.

– Он выигрывает все дела.

– Бред какой-то, – пробормотал Селитто, рассеянно потирая пятнышко крови у себя на пиджаке. – Ты ведь просто ребенок...

Ошибка.

Женева сверкнула глазами и бросила раздраженно:

– Что, вы мне и позвонить не дадите? Даже заключенные имеют такое право!

Тяжело вздохнув, толстяк-детектив указал на телефон. Девушка подошла к аппарату, заглянула в записную книжку и набрала номер.

– Уэсли Гоудз, – вслух проговорил Райм.

Женева склонила набок голову, ожидая, когда на другом конце снимут трубку.

– Учился в Гарварде. Кстати, вел одно дело и против армии. Что-то связанное с правами сексуальных меньшинств. – И потом, уже в трубку: – Могу я поговорить с мистером Гоудзом?.. Вы не передадите ему, что звонила Женева Сеттл? Я оказалась свидетелем преступления, и меня удерживают в полиции. – Она сообщила городской адрес Райма и добавила: – Удерживают против моей воли и...

Райм бросил взгляд на Селитто. Тот закатил глаза и проговорил:

– Ну хорошо.

– Подождите минуточку. – Женева повернулась к возвышающемуся рядом грузному детективу. – Так можно мне в школу?

– Только чтобы сдать тест.

– Вообще-то, у меня их два.

– Хорошо, два теста, черт бы их все побрал. – Селитто повернулся к Беллу. – Не отходи от нее.

– Ни на шаг. Будьте уверены.

В трубку Женева сказала:

– Передайте мистеру Гоудзу, чтобы не беспокоился. Вопрос, похоже, решен.

Она положила трубку.

– Сначала мне нужны остальные письма, – сказал Райм.

– Договорились. – Женева закинула на плечо школьную сумку.

– Ты, – глядя на Пуласки, рывкнул Селитто, – поедешь с ними.

– Слушаюсь, сэр.

Когда Женева в сопровождении Белла и новичка вышла за дверь, Сакс, глядя им вслед, рассмеялась:

– Вот уж правда – палец в рот не клади.

– Уэсли Гоудз, – улыбнулся Райм. – Думаю, она его выдумала, а звонила в какую-нибудь службу точного време-

ни. – Он кивнул на доску с записями об уликах. – Так, давайте-ка займемся тем, что у нас есть. Мэл, ты возьмешь на себя ярмарки. И мне нужны результаты по нашим запросам в ViCAP и NCIC⁶. Надо опросить городские библиотеки и школы, не интересовался ли у них наш клиент насчет Синглтонов или «Еженедельника для цветных». И еще выясните, кто производит пакеты со смайликами.

– Непростая задача, – отозвался Купер.

– Сама жизнь, знаешь ли, порой непростая задача. Отправьте образцы крови с волокон удавки для сверки по CODIS⁷.

– А я думал, что ты исключил нападение на сексуальной почве.

– Мэл, ключевые слова здесь «я предполагаю», а не «уверен на все сто». И еще... – Райм подкатился поближе к доске, чтобы получше рассмотреть фотографии убитого библиотекаря и схему стрельбы, которую начертила Сакс. – Как далеко от жертвы стояла та женщина? – спросил он Селитто.

– Кто, случайная свидетельница? Ну, не меньше пятнадцати футов в стороне.

– Кому досталась первая пуля?

⁶ ViCAP (от *англ.* Violent Criminal Apprehension Program) – в США единая сетевая база данных, предназначенная для отслеживания и сопоставления информации по тяжким преступлениям. NCIC (от *англ.* National Crime Information Center) – Национальный центр информации о преступлениях.

⁷ CODIS (от *англ.* Combined DNA Index System) – в США национальная база данных ДНК, в том числе ДНК преступников.

– Ей.

– И стрелял он кучно? Имею в виду те выстрелы, которыми был убит библиотекарь.

– Да, очень кучно. Стрелять он умеет.

Райм пробормотал:

– Эта женщина не случайная жертва. Он в нее целился.

– То есть как?

Криминалист обратился к лучшему стрелку среди присутствующих:

– Сакс, когда ведешь беглый прицельный огонь, какой выстрел наиболее вероятно окажется самым точным?

– Первый – не надо учитывать фактор отдачи.

После ее слов Райм объяснил:

– Он ранил ее намеренно; целился в один из крупных кровеносных сосудов. Для того чтобы отвлечь как можно больше полицейских и спокойно уйти.

– Господи, – выдохнул Купер.

– Сообщите об этом Беллу, а также Боу Хауманну и ребятам из его группы. Объясните им, с кем мы имеем дело: с профи, которому ничего не стоит застрелить постороннего человека, только чтобы отвлечь внимание.

Часть II. Король граффити

Глава 8

Высокий мужчина шел по Гарлему и размышлял о недавнем телефонном разговоре, который его одновременно окрылил, испугал и насторожил. Однако сейчас основным лейтмотивом звучала другая мысль: «Может, дела наконец-то налаживаются?»

Что ж, он давно ждал хоть небольшого толчка, чтобы снова встать на ноги.

Джаксу не очень везло в последнее время. Хорошо, конечно, что больше он не в тюрьме, но два месяца после освобождения выдались беспросветными: сплошная тоска и ни малейшего намека на то, что удача наконец-то плывет в руки. И вот сегодня в делах наметился сдвиг. Телефонный звонок насчет Женевы Сеттл сулил навсегда изменить жизнь.

Зажав в уголке рта сигарету, Джакс шагал по Пятой авеню в сторону парка Сент-Амброуз и наслаждался свежестью ясного осеннего дня. Не менее приятно было и то, что встречные обходят его стороной. Еще бы – неприветливое лицо, тюремные татуировки. А еще он слегка волочил ногу.

Одет он был как всегда: джинсы, потрепанная куртка армейского образца, грубые рабочие ботинки, заношенные по-

чти до дыр. В кармане лежала солидная пачка денег, в основном двадцатками, нож с роговой рукояткой, сигареты и ключ от квартирki на Сто тридцать шестой улице, где в двух комнатухах имелись только кровать, стол, два стула, купленный с рук компьютер и посуда с распродажи – немногим лучше его недавнего обиталища в исправительном учреждении штата Нью-Йорк.

Джакс остановился и посмотрел по сторонам.

Да, вот и он – тощий, с кожей блекло-коричневого оттенка, на вид – от тридцати пяти до шестидесяти. Человечек стоял, привалившись к проволочной ограде парка. Рядом в пожелтой траве влажно поблескивало горлышко то ли пивной, то ли винной бутылки.

Закуривая очередную сигарету, Джакс подошел и спросил:

– Что, как оно?

Тощий недоуменно моргнул, посмотрел на протянутую ему пачку. Он явно не знал, чего ожидать, но сигарету взял. Сунул в карман.

– Ты Ральф? – продолжил Джакс.

– А ты кто?

– Друг Делайла Маршалла. Сидел с ним в одном блоке.

– С Лайлом? – Тощий немного расслабился, отвел взгляд от здоровяка, который запросто мог переломить его надвое, и, не отрываясь спиной от сетки, огляделся. – Его выпустили?

Джакс рассмеялся:

– Он всадил четыре пули в башку какому-то засранцу. Да скорее ниггера выберут в президенты, чем Делайла выпустят на свободу!

– Досрочно тоже освобождают! – Своим возмущенным тоном Ральф попытался скрыть, что проверяет Джакса. – Так что там слышно?

– Привет тебе от него. Сказал, что можно к тебе обратиться. За меня он ручается.

– Как же, как же – ручается. Ладно, скажи, что у него за татуировка?

К миниатюрному Ральфику с его миниатюрной бородкой понемногу возвращалась былая бравада, а вопросы он задал еще не все.

– Смотря какая, – сказал Джакс. – Имеешь в виду розу или клинок? И как я понимаю, у него есть еще одна около члена, хотя вблизи я ее не рассматривал.

Ральф серьезно кивнул.

– Как тебя звать?

– Джаксон. Алонсо Джаксон. Известен я просто как Джакс.

Это был его фирменный тег. Неужели Ральф впервые о нем слышит? Видимо, да. Обидно.

– Хочешь меня проверить? Валяй, звони Делайлу, только имени моего не называй, сечешь? Скажешь, что король граффити подходил побазарить.

– Король граффити, – повторил Ральф с явным недоумением. Наверное, думал, что Джакс любит побрызгать кровью, как краской из баллончика. – Может, и спрошу. Посмотрим. Ты, значит, освободился?

– Точно.

– А за что срок мотал?

– Вооруженный грабеж и незаконное ношение. – Потом, понизив голос, добавил: – Сначала шили две четверти, но доказали только грабеж.

Имелась в виду статья сто двадцать пятая пункт двадцать пять УК, предусматривающая наказание за убийство.

– А сейчас ты на воле. Ништяк.

Ну не забавно ли? Сначала Ральф весь трясется, а узнав, что Джакс – любитель порисовать кровью – отмотал срок за вооруженное ограбление, незаконное ношение оружия и покушение на убийство, заметно расслабляется.

Гарлем, мать его! Где еще такое увидишь?

Перед самым освобождением Джакс попросил Делайла помочь со связями на свободе, и тот посоветовал Ральфа. Объяснил, чем этот рахитик может пригодиться. «Он там в каждой бочке затычка, вроде хозяина улицы. Всегда в курсе всего, а если чего и не знает, так быстренько может выяснить».

Затянувшись поглубже, король граффити решил, что пора перейти к главному.

– Мне надо, чтобы ты кое-что для меня достал, – негромко

сказал он.

– Ну да? И чего?

Другими словами – «чего именно тебе надо?» и «что я с этого буду иметь?».

Тоже понятно.

Джакс огляделся. Никого вокруг, только голуби и две округлые ладные доминиканочки в коротких топах и обтягивающих шортах, несмотря на прохладу. «Хай, папи», – с улыбкой сказала одна из них Джаксу, проходя мимо. Девушки пересекли улицу и свернули за угол, в свой район. Пятая авеню многие годы была разделительной полосой между Гарлемом черным и Гарлемом испаноговорящим – «эль баррио», так сказать. Пересекаешь Пятую авеню – и ты на «другой стороне». Все вроде бы то же самое, а Гарлем уже не тот.

Джакс провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду.

– Твою мать! – Долго же он кантовался в тюрьме.

– А то. – Ральф немного изменил угол наклона к забору и скрестил руки на груди, из-за чего стал похож на египетского фараона.

Джакс помолчал, затем наклонился и шепнул фараончику на ухо:

– Мне нужен ствол.

– Чувак, ты только откинулся, – после короткой паузы отозвался Ральф. – Если тебя обшмонают и найдут пушку, мигом упрячут назад за решетку. Да тебе еще целый год си-

деть за ношение, если бы не досрочка. Далось тебе рисковать!

Джакс терпеливо сказал:

– Так сделаешь или нет?

Тощий снова немного подкорректировал свой наклон и посмотрел на Джакса:

– Все путем, чувак, но не знаю, где я там буду тебе чего искать. В смысле – пушку.

– Ну, тогда я не знаю, кому отдать вот это.

Джакс вынул из кармана пачку банкнот, отсчитал несколько двадцаток и протянул их Ральфу. Разумеется, не без оглядки. Здесь, в Гарлеме, у копов брови сразу вверх поползут при виде того, как один чернокожий башляет другому, даже если тот всего лишь жертвует пару баксов местной баптистской церкви.

Но сейчас брови вверх поползли у Ральфа, пока он, глядя на оставшуюся в руке Джакса пачку, засовывал деньги в карман.

– Вижу, с бобами у тебя полный порядок.

– А то. Да и тебе кое-что перепало... это вдобавок к возможности поймать еще. Удачный у тебя сегодня денек. – Он спрятал пачку обратно в карман.

– Какая пушка нужна? – пробурчал Ральф.

– Небольшая, чтобы легко было спрятать, сечешь?

– Пять сотен.

– Две, дороже и сам найду.

– Не паленая?

Как будто Джаксу нужен был пистолет с отбитым на стволе регистрационным номером.

– А сам как считаешь?

– Тогда фиг ты двумя сотнями обойдешься. – Фараончик совсем осмелел. Еще бы: нужного человека, которого ты просишь что-то достать, так просто чикать не резон.

– Три, – предложил Джакс.

– Три с половиной, и по рукам.

Джакс согласился, затем, в очередной раз оглядевшись, сказал Ральфу:

– И еще кое-что. У тебя в школах прихватки есть?

– Смотря о каких школах речь. К тем, что в Куинсе, Бруклине, Бронксе, у меня подхода нет, другое дело школы здесь, на квартале.

Джакс мысленно усмехнулся: «на квартале» – что за дерьмо? Сам он вырос в Гарлеме и никогда больше нигде не бывал, кроме разве армейских казарм и тюремных бараков. Но «на квартале» – так в Гарлеме отродясь не говорили. В каком-нибудь Лос-Анджелесе или Ньюарке такое можно было услышать. Ну может, кое-где в Бруклине. Но Гарлем – совсем другая вселенная. Джакса задело такое отношение Ральфа. Впрочем, тот, наверное, просто посмотрелся тупых фильмов по телевизору.

– Нет, я про местные, – спокойно сказал Джакс.

– Могу прошуршать. – В голосе Ральфа прозвучало со-

мнение. Неудивительно, если учесть, что едва откинувшийся из тюрьмы уголовник, которому шили сто двадцать пятую, одновременно интересуется пистолетами и школами.

Джакс сунул тощему еще пару двадцаток, чем, похоже, значительно успокоил его совесть.

– Лады, что надо узнать?

Джакс вынул из кармана куртки листок бумаги и протянул его Ральфу. Это была распечатка статьи, которую он скачал с сайта «Нью-Йорк дейли ньюс» из раздела «Обновления горячих новостей».

Постукивая по листку толстым пальцем, Джакс сказал:

– Мне надо найти девчонку. Ту, про которую здесь написано.

Ральф прочитал текст под заголовком: «В центре города застрелен работник музея» – и поднял глаза на Джакса.

– О ней здесь ничего не сказано, ни где живет, ни в какую школу ходит – вообще ноль. Даже имени нет.

– Зовут ее Женева Сеттл. А насчет остального... – Джакс кивнул на карман, куда коротышка спрятал деньги. – За это и плачу.

– Зачем она тебе? – спросил Ральф, перечитывая листок.

Джакс помедлил немного, затем наклонился и поднес губы к уху фараончика.

– Некоторые любят задавать всякие вопросы, что-то вынюхивать и в итоге узнают много такого, чего знать совершенно не обязательно.

Ральф собрался еще что-то спросить, но передумал. Джакс, возможно, говорил про девчонку; с другой стороны, кровавый король граффити мог иметь в виду, что его уже достали эти вопросы.

– Позвони мне через часок-другой.

Продиктовав Джаксу номер своего мобильного, фараончик оттолкнулся от сетки, выудил из травы под ногами недопитую бутылку и зашагал прочь.

Роланд Белл медленно вел неприметный седан «кран-виктория» через центр Гарлема, где сетевые гиганты – «Патмарк», «Дьюэн Рид», «Попайз», «Макдоналдс» – соседствовали с магазинчиками, в которых можно было обналичить чек, внести коммунальный платеж, прикупить парик из натуральных волос, искусственные косички, образчики африканских промыслов, выпивку, мебель. Некоторые здания стояли в руинах, в других окна и двери были заколочены досками или упрятаны под металлические жалюзи, сплошь покрытые граффити. В стороне от оживленных улиц кучами валялся хлам, у стен домов и в канавах виселись залежи мусора, а на пустырях зеленели заросли сорняков. Афиши и рекламные постеры зазывали в театры, дискотеки и на эстрадные представления. Стайками тусовались подростки; одни смотрели на патрульную машину настороженно, другие – откровенно вызывающе.

Но чем дальше Белл, Женева и Пуласки продвигались на

запад, тем заметнее менялся городской пейзаж. Заброшенные здания попадались все реже; плакаты на заборах стройплощадок изображали идиллического вида особняки. Квартал, где жила Женева, граничил с парком Морнингсайд и Колумбийским университетом. Выглядел он ухоженно: обсаженные деревьями улицы, чистые тротуары. Даже старые здания казались крепкими и опрятными. Среди припаркованных во дворах машин, пусть и с противоугонами на рулях, попадались «лексусы» и «бумеры».

Женева показала на чистенький четырехэтажный дом с украшенным лепниной фасадом:

– Вот здесь я живу.

Белл остановился двумя подъездами дальше, прямо на проезжей части параллельно ряду стоящих вдоль тротуара машин.

– Гм, детектив, – сказал Рон Пуласки, – по-моему, она имела в виду тот дом.

– Знаю, – ответил Белл. – Однако предпочитаю не привлекать внимания к месту жительства человека, о безопасности которого мы заботимся.

Новичок покивал, словно повторяя слова про себя, чтобы получше запомнить. Совсем еще мальчишка, подумал Белл, столько его еще ждет впереди.

– Нас не будет несколько минут, а ты пока поглядывай, как тут дела.

– Так точно, сэр. А что я должен высматривать?

Посвящать новичка в организационные тонкости охраны свидетелей времени не было. Достаточно, чтобы он просто поторчал поблизости, пока они будут в доме.

– Плохих парней, – ответил Белл.

Патрульная машина сопровождения остановилась в указанном Беллом месте – прямо перед ними. Как только Женева отдаст письма, полицейский отвезет их Райму. Через минуту к ним присоединился еще один неприметный «шевроле» с двумя агентами из подразделения по «спасению задниц свидетелей». Они останутся здесь и будут следить за обстановкой вокруг здания. Когда Белл узнал, что преступник для отвлечения внимания стреляет в случайных прохожих, он запросил подкрепление. И людей для задания выбрал сам. Луис Мартинес – спокойный, крепкий на вид детектив, и Барб Линч – молодая женщина-агент, которая хоть и ходила еще в новичках, но обладала отличным чутьем.

Белл проворно выбрался из машины, застегивая спортивную куртку, под которой скрывались два пистолета. Он был неплохим провинциальным полицейским, а перебравшись в Нью-Йорк, показал себя неплохим детективом. Однако по-настоящему в своей стихии он ощущал себя, защищая свидетелей, наделенный талантом сродни охотничьему инстинкту. Он умел не просто выявить очевидное, например издали засесть блики оптического прицела, отличить щелчок ствольной коробки от других звуков или заметить, как кто-то следит за свидетелем по отражению в витрине; он мог отличить

беспечную походку от нарочито беспечной, разглядеть, что неудачно припаркованный автомобиль стоит так не случайно. Оценив расположение окон, мог сразу сказать: вот в том спрятался бы снайпер.

Сейчас ничего угрожающего Белл не заметил. Подав Мартинесу и Линч сигнал идти следом, он проводил Женеву к подъезду, представив своим агентам, и отправил их следить за обстановкой у дома. Женева открыла входную дверь с кодовым замком. Вместе с полицейским в форме они вошли внутрь и поднялись на второй этаж. Женева постучалась.

– Дядя Билл, это я.

Дверь открылась. На пороге стоял грузный мужчина лет пятидесяти с россыпью мелких родинок на щеке. Он улыбнулся и кивнул Беллу:

– Рад вас видеть. Я Уильям.

Детектив тоже представился. Они пожали друг другу руки.

– Ну как ты, родная? Ужас какой, что с тобой приключилось.

– Ничего, все хорошо. Вот только полиция будет пока за мной присматривать. Они думают, что тип, который на меня напал, может попытаться снова.

Круглое лицо мужчины озабоченно сморщилось.

– Будь оно все неладно. – Он махнул рукой в сторону телевизора. – Про тебя говорили в новостях.

– Ее назвали по имени? – Белл нахмурил брови.

– Нет, не назвали и не показывали. Потому что несовершеннолетняя.

– И на том спасибо... – Против свободы прессы Роланд Белл, конечно, не возражал, но считал, что иногда немного цензуры не помешает, особенно в том, что касается фамилий и адресов свидетелей. – Вы пока подождите в холле, а я осмотрю квартиру.

– Так точно, сэр.

Белл вошел и огляделся. Входная дверь запиралась на два засова и стальную щеколду. Передние окна выходили на такие же городские дома через улицу. Белл задернул на них все шторы. Кирпичная стена здания, на которую открывался вид из боковых окон квартиры, была глухая – снайперский огонь с той стороны исключался. Тем не менее Белл запер все створки, опустил жалюзи.

Квартира была большая. В коридор выходили две двери: одна в гостиную и другая, дальше по коридору, в помещение, где стояла стиральная машина. Белл проверил замки и вернулся в прихожую.

– Входите, – сказал он хозяевам. – Кажется, все в порядке, только не отпирайте двери и окна и не раздвигайте шторы.

– Есть, сэр, – ответил дядя Уильям.

– Я принесу письма, – сказала Женева и скрылась в направлении спален.

Убедившись, что внутри безопасно, Белл еще раз огляделся. Обстановка показалась ему холодной: белая мебель, все

накрыто полиэтиленовой пленкой, много книг, картины, карибские и африканские статуэтки, сервант, заполненный дорогими на вид сервизами и хрусталем, африканские маски. Памятных личных вещей почти не было, как и семейных фото.

У самого Белла по всему дому стояли фотографии родных, в особенности двух его сыновей и многочисленных племянников из Северной Каролины. Несколько снимков жены. Из уважения к своей новой подружке Люси Керр (она служила шерифом в родном штате) он убрал те, на которых был снят вместе с женой, оставив только ее с детьми. (Люси, чьих фотографий в доме тоже было немало, заявила, что ценит такое отношение к покойной супруге. А она всегда говорила искренне.)

Белл спросил у дяди Уильяма, не замечал ли тот в последнее время незнакомцев вблизи дома.

– Нет, сэр, ничего такого не видел.

– А когда должны вернуться ее родители?

– Затрудняюсь ответить, сэр, она всегда сама с ними общается.

Минут через пять Женева вернулась и отдала Беллу конверт с двумя ломкими пожелтевшими листами.

– Вот, держите, – сказала она и после короткой паузы добавила: – Только поаккуратнее с ними, копий у меня нет.

– Ну что вы, мисс, вы плохо знаете мистера Райма – с уликами он обращается бережнее, чем со Святым Граалем.

Женева посмотрела на дядю:

– Из школы я сразу домой. – Повернулась к Беллу. – Я готова, можем ехать.

– Ну-ка, малышка, – сказал дядя Уильям, – я хочу, чтобы ты была вежливой. Помнишь, как я тебя учил: когда обращаешься к офицеру полиции, надо говорить «сэр».

Девушка глянула на него и невозмутимо ответила:

– Помнишь, как говорил отец? Человек должен заслужить, чтобы к нему обращались «сэр».

Дядя Билл рассмеялся:

– Вот вам моя племянница: всегда свое мнение наготове! За что мы ее так и любим. Дай-ка я тебя обниму.

Девушка нехотя позволила себя приобнять. Беллу это было знакомо: его сыновья тоже стеснялись, когда он пытался приласкать их в присутствии посторонних.

Выйдя на площадку, Белл передал полицейскому в форме конверт с письмами.

– Немедленно отвезите Линкольну Райму.

– Есть, сэр.

Полицейский ушел, а Белл связался по рации со своими людьми внизу. Когда те доложили, что на улице все чисто, он проводил Женеву вниз, быстро подвел к машине и усадил на сиденье. Тут же подскочил Пуласки и, открыв дверцу, запрыгнул в салон.

Заводя двигатель, Белл повернулся к девушке и сказал:

– Ах да, мисс, уделите минутку, посмотрите у себя в сум-

ке: не найдется ли для меня какой книги, которая вам сегодня не понадобится.

– Книги?

– Да, какого-нибудь учебника.

Девушка порылась в сумке.

– Вот. «Социология» подойдет? Хотя та еще скукотища.

– Ну, читать я ее не буду. Хочу сделать вид, что заменяю кого-то из учителей.

Женева ухмыльнулась:

– Собираетесь косить под препода? Клево.

– Вот и я о том же. Ладно, а сейчас не желаете ли пристегнуться? Буду очень признателен. И тебя, новичок, это тоже касается.

Глава 9

В базах CODIS ДНК объекта 10-9 не обнаружили.

Когда прислали фрагменты пуль, извлеченные из тела доктора Бэрри, выяснилось, что они повреждены даже сильнее, чем те, что извлекли из ноги женщины. Проверка этих частиц по базам IBIS и DRUGFIRE результатов также не принесла. Пока никаких зацепок.

Удалось опросить нескольких сотрудников музея. Нет, доктор Бэрри никогда не упоминал, чтобы кто-то еще интересовался «Еженедельником для цветных» от 1868 года. Ничего не прояснили и записи телефонных звонков: все входящие звонки с главного коммутатора перенаправлялись на дополнительные номера кабинетов и никак не фиксировались. Проверка исходящих и входящих звонков на мобильный библиотекаря также ничего не дала.

Купер рассказал все, что узнал от владельца «Трентон пластикс» – одного из крупнейших производителей пластиковых пакетов в стране.

– Еще в шестидесятых один из филиалов компании Государственного страхования наладил выпуск пуговиц-смайликов – для поднятия морального духа сотрудников и в качестве рекламного хода. В семидесятых два брата нарисовали такую же мордашку, дополнив изображение надписью «Будь счастливым», – своего рода альтернатива «значку мира». К то-

му времени десятки компаний уже тиражировали смайлик на пятидесяти миллионах своих товаров ежегодно.

– В чем смысл этой лекции о поп-культуре? – пробурчал Райм.

– В том, что, если даже у эмблемки существует законный правообладатель, смайлики на пакетах сегодня штампует не один десяток компаний и отследить такую улику попросту невозможно.

И здесь тупик...

Купер, Сакс и Селитто послали запрос в десятки музеев и библиотек. Только в двух подтвердили, что к ним недавно обращался человек, интересующийся «Иллюстрированным еженедельником для цветных» за июль 1868 года. Новости обнадеживающие, так как вписывались в теорию Райма о том, что на Женеву напали именно из-за журнала. Однако ни в том, ни в другом учреждении нужного номера не оказалось, и никто не помнил, как звали звонящего и даже представился ли он. В других местах журнала тоже не отыскалось. Из Музея афроамериканской прессы в Нью-Хейвене сообщили, что раньше у них имелся полный комплект микрофиш, но тот бесследно исчез.

Райм с мрачным видом обдумывал эти новости, когда компьютер издал мелодичный звон и Купер объявил:

– Пришел ответ из ViCAP.

Щелчком клавиши он вывел текст сообщения на все мониторы в лаборатории. Сакс и Селитто встали у одного, Райм

устроился напротив другого. Сообщение по зашифрованной электронной почте прислал детектив из лаборатории по изучению улик в Куинсе.

Детективу Куперу

Проанализировав предоставленную Вами информацию с использованием систем ViCAP и HITS⁸, мы выявили два случая, сходных с Вашим.

Случай первый: убийство в Амарилло, штат Техас. Дело под номером 3451-01 (техасские рейнджеры).

Пять лет назад шестидесятисемилетний Чарльз Т. Такер, госслужащий на пенсии, был найден мертвым позади здания торгового ряда недалеко от своего дома. Его ударили сзади по голове тупым тяжелым предметом, предположительно для того, чтобы оглушить, и впоследствии линчевали. На шею жертвы преступник надел петлю, перекинул конец веревки через сук дерева и затянул удавку. Следы царапин на шее указывают, что несколько минут до наступления смерти мужчина оставался жив.

Элементы сходства с рассматриваемым делом:

- Жертву оглушили ударом по голове в области затылка.
- Подозреваемый был обут в прогулочные туфли 11-го размера, вероятнее всего, марки «Басс». Неравномерный износ одной подошвы предполагает, что правая ступня подо-

⁸ HITS (от *англ.* Homicide Investigation Tracking System) – система регистрации расследуемых убийств.

зреваемого слегка вывернута наружу.

- Орудие убийства: веревка со следами крови. Волокна хлопковые, соответствуют присланным образцам.
- Мотив преступления сфальсифицирован. Характер убийства замаскирован под ритуальный. Под ногами повешенного по кругу были расставлены свечи, на земле начерчена пентаграмма. Однако изучение личности жертвы и анализ следов преступления позволили сделать вывод, что подозреваемый оставил улики с намерением пустить следствие по ложному следу. Истинные мотивы не установлены.
- Отпечатков пальцев обнаружить не удалось; подозреваемый действовал в латексных перчатках.

Дело не закрыто.

– И... второе? – спросил Райм.

Купер прокрутил страницу.

Случай второй: убийство в Кливленде, штат Огайо. Дело под номером 2002-24554F (полиция штата Огайо).

Три года назад в своей квартире был найден мертвым сорокапятилетний бизнесмен Грегори Тэллис, скончавшийся от огнестрельных ранений.

Элементы сходства с рассматриваемым делом:

- Жертву оглушили несколькими ударами по голове в области затылка.
- Отпечатки обуви подозреваемого идентичны подошвам прогулочных туфель марки «Басс». След правой ноги слегка

вывернут наружу.

- Причина смерти: три выстрела в сердце предположительно из пистолета 22-го или 25-го калибра – аналогично данному случаю.

- Отпечатков пальцев преступника обнаружить не удалось; подозреваемый действовал в латексных перчатках.

- Убитый был раздет ниже пояса, в анальное отверстие вставлена бутылка – очевидно, чтобы представить характер преступления как гомосексуальное изнасилование. Криминалист из полиции штата Огайо заключил, что мотив фальсифицирован. Жертва должна была явиться в суд для дачи свидетельских показаний по делу против организованной преступной группы. Проверка банковских транзакций ответчика показала, что за неделю до убийства подсудимый снял со счета пятьдесят тысяч долларов наличными. Как была потрачена эта сумма, выяснить не удалось. Предположительно деньги выплатили наемному убийце, чтобы убрать Тэллеса.

Дело не закрыто, но приостановлено из-за утери вещественных доказательств.

Утеря вещественных доказательств, боже правый!.. Райм снова пробежал глазами текст на экране.

– Подброшенные улики для сокрытия истинного мотива. И вот теперь еще одно нападение с якобы ритуальной окраской. – Он кивнул на карту таро. – Удар в область затылка,

удушение или расстрел, латексные перчатки, туфли «Басс», дефект правой ступни... Очень может быть, что это наш клиент. Если так, то мы имеем дело с двумя людьми: исполнителем и заказчиком... Ладно, мне нужна вся информация по обоим делам.

Купер сделал несколько звонков. В Техасе пообещали, что свяжутся, как только поднимут дело. Однако детектив из Огайо подтвердил, что запрашиваемые материалы, среди дюжины прочих дел, были утеряны, когда участок переезжал в новое здание. Да, проверить они, конечно, проверят. «Но, – добавил он, – я бы на вашем месте ни на что особенно не рассчитывал». Райм неодобрительно поморщился и велел Куперу с них не слезать.

Через минуту у Купера зазвонил сотовый.

– Алло, слушаю... Да, диктуйте.

Сделав какие-то записи на листочке бумаги, он поблагодарил собеседника и отключился.

– Новости из дорожной полиции насчет крупных шествий и ярмарок, из-за которых приходилось перекрывать уличное движение. Два мероприятия в Куинсе: одно организовано районной ассоциацией, другое – греческим землячеством. А также празднование Дня Колумба в Бруклине и мероприятие в Маленькой Италии. Последнее, на Малберри-стрит, самое масштабное.

– Надо отправить людей во все четыре места, – сказал Райм. – Пусть обойдут все универмаги, где установлены де-

шевые кассовые аппараты, продаются презервативы, клейкая лента и перочинные ножи, а под покупки выдают пакеты со смайликами. Снабдите их устным описанием нашего объекта, и пусть попытаются разузнать, не помнит ли его кто из служащих.

Райм смотрел на Селитто, который стоял, разглядывая что-то на рукаве плаща – очевидно, пятнышко крови после утренней стрельбы около музея. Толстяк-детектив не шевелился, а поскольку он был здесь старшим по званию, то звонить в техобеспечение и патрульную службу полагалось ему. Однако, судя по виду, он вообще не услышал сказанного.

Райм перевел взгляд на Сакс. Та кивнула и позвонила в управление, чтобы выделили людей. Положив трубку, она заметила, что Райм, хмурясь, разглядывает доску с уликами.

– Что-то не так?

Райм молчал, озадаченный тем же вопросом. И вдруг понял: он оказался в положении рыбы, выброшенной на берег...

– Думаю, одним нам здесь не обойтись.

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается следователь, – ограниченность своего опыта. Любой криминалист хорош ровно настолько, насколько широки его познания о тех местах, где обитает подозреваемый... во всех аспектах – от геологии, социологии, истории до культурных традиций и основных занятий местного населения.

Линкольн Райм думал о том, как мало знает о мире, в ко-

тором живет Женева Сеттл, – Гарлеме. Да, разумеется, статистику он себе представлял. Большинство населения в равных долях составляли афроамериканцы (как давно укоренившиеся, так и вновь прибывающие) и темнокожие или светлокожие латиноамериканцы (главным образом выходцы из Пуэрто-Рико, Доминиканской Республики и Мексики). Дальше по списку шли белые и некоторое количество азиатов. Беднота, наркотики, банды, насилие... хотя пороки процветали в основном в трущобах. В целом же Гарлем был не опаснее некоторых кварталов Бруклина, Бронкса или Ньюарка. Церквей, мечетей, общественных и родительских организаций в Гарлеме насчитывалось больше, чем в других городских районах. Гарлем давно стал центром движения в защиту гражданских прав чернокожих, средоточием «черной» и латиноамериканской культуры. А сейчас там росло новое движение – «за инвестиционное равенство». Полным ходом реализовывались десятки проектов по реконструкции ветхого жилья, инвесторы всех национальностей поспешно вливали в Гарлем свои капиталы, желая воспользоваться бумом на рынке недвижимости.

Но то были лишь сухие факты из «Нью-Йорк таймс», статистика нью-йоркского полицейского управления. Они не подскажут, почему наемный убийца охотится за девочкой из Гарлема.

Райм отдал голосовую команду, и компьютерная программа послушно набрала телефонный номер отделения ФБР в

центре Нью-Йорка.

– Деллрей слушает.

– Фред, это Линкольн. Нужна помощь.

– Мой добрый сотрудник из Вашингтона тебя не выручил?

– Выручил, еще как. Даже в Мэриленде не отказали.

– Рад слышать. Подожди минутку, надо кое-кого отсюда выпроводить.

Райм несколько раз бывал в офисе Деллрея. Чего только не было в берлоге этого высокого худошавого афроамериканца: множество книг (в том числе по философии), вешалки с разнообразной одеждой, которую он надевал на задания (что, правда, в последнее время случалось редко), и здесь же – фэбээровские костюмы от братьев Брукс, белые рубашки и галстуки в полоску. Обычно же Деллрей одевался, мягко говоря, странно: спортивные костюмы, свитера, толстовки. Из цветов предпочитал зеленый, синий и желтый. Хорошо хоть шляп не носил – в них он выглядел бы как сутенер из низкобюджетного фильма семидесятых.

Когда Деллрей вновь взял трубку, Райм спросил:

– Что там с угрозами по терактам?

– Сегодня утром поступил анонимный звонок насчет израильского консульства. То же, что на прошлой неделе. А мои осведомители ни черта не могут сказать. Ну да ладно, у тебя-то что опять?

– У меня ниточки ведут в Гарлем. Тебе там часто работать приходится?

– Так, иногда прохаживаюсь. Но я все-таки не энциклопедия – родился и вырос в БК.

– БК?

– Бруклин. Первоначально деревушка Брюкелен – фактория Голландской Вест-Индской компании. Кстати, первый официальный город в штате Нью-Йорк, если тебе интересно. Родина Уолта Уитмена. Но ты ведь не просто поболтать звонишь.

– Ты не мог бы выбраться из своей берлоги и немного пошаркать по улицам?

– Я, конечно, сойду за своего, но многого не обещаю.

– Тут у тебя передо мной одно преимущество.

– Точно-точно – я не разъезжаю в ярко-красном кресле с колесиками.

– Это можешь считать вторым своим преимуществом, – ответил Райм, у которого кожа была светлее волос новичка Пуласки.

От Женевы доставили остальные письма Чарльза Синглтона.

За долгие годы листы пожелтели и стали ломкими. Чтобы не повредить бумагу, Мэл Купер обработал сгибы и складки специальным раствором, затем поместил каждое письмо между тонкими листами из оргстекла.

К нему подошел Селитто:

– И что там у нас?

Купер вложил первое письмо в сканер и щелкнул кнопкой. По всей комнате на мониторах возникло изображение.

Дражайшая Вайолет!

В предгрозовой тишине этого раннего воскресного утра у меня есть считанные минуты, чтобы набросать тебе несколько строк.

С тех пор как мы, необстрелянные новобранцы, впервые собрались на острове Харта, наш 31-й нью-йоркский полк успел пройти через многое. И сегодня мы выполняем задачу поистине историческую – преследуем самого генерала Роберта Э. Ли с остатками его армии, отступающей после разгрома 2 апреля под Питерсбергом в Виргинии.

Сейчас его тридцатитысячное войско расположилось в самом сердце Конфедерации, и нашему полку в числе других предстоит отрезать ему путь к отступлению. А под натиском наших превосходящих сил, которыми командуют генералы Грант и Шерман, отступить – это все, что ему остается.

В час затишья перед бурей мы собрались на большой ферме. Вокруг – босоногие рабы в простых негритянских одеждах; их взгляды устремлены на нас. Одни стоят молча и безучастно смотрят, другие не сдерживают своего ликования.

Недавно к нам подъехал командующий и, спешившись, объяснил план сегодняшнего сражения. Потом процитировал по памяти слова мистера Фредерика Дугласа: «Если на

чернокожем мундир армии США, на плече у него ружье, а в кармане запасные патроны, кто осмелится не признать, что он заслужил право называться гражданином Соединенных Штатов!»

Командующий добавил, что для него большая честь участвовать вместе с нами в кампании за восстановление единства страны.

31-й грянул такое громкое «ура!», какого мне еще слышать не доводилось.

И вот, милая, барабанная дробь и грохот орудий уже возвещают о начале битвы. Если строкам, что я пишу, суждено стать последними, знай, что я люблю вас с Джошуа несказанно. Держись покрепче за ферму, не отступай от нашего уговора, что мы только смотрители, но не владельцы, и ни за что не соглашайся ее продавать. Пусть земля в целости перейдет к нашему сыну и его отпрыскам, ибо спрос на ремесла насыщается и затухает, финансовые рынки непостоянны и только земля в нашем мире остается неизменной величиной. Со временем благодаря ферме мы обретем уважение тех, кто нас сегодня презирает. Она останется залогом спасения для наших детей и правнуков.

А теперь, любимая, я должен взять в руки ружье, дабы исполнить данный Богом завет: защитить и сохранить нашу святую отчизну.

Твой вечно любящий

Чарльз Анноматтокс, штат Виргиния

9 апреля 1865 года

Сакс оторвала взгляд от экрана.

– Ну вот, на самом интересном месте...

– Вовсе нет, – сказал Том.

– Как это «нет»?

– Нам ведь известно, что оборону они удержали.

– Откуда?

– Оттуда, что девятого апреля, как раз в тот день, южане капитулировали.

– Курс начальной истории меня сейчас мало интересует, – оборвал их Райм. – Я хочу знать, что там у него за тайна.

– Об этом кое-что здесь, – отозвался Купер, пробежав глазами второе письмо и кладя его на столик сканера.

Дражайшая Вайолет!

Очень скучаю по тебе и Джошуа. Меня весьма ободрила весть, что твоя сестра оправилась от родильной горячки, и я благодарю Господа нашего Иисуса Христа за то, что ты была рядом и помогла ей пережить трудные времена. Однако, думаю, тебе лучше остаться пока в Харрисберге. Положение сейчас опаснее даже, чем во время войны.

За месяц твоего отсутствия многое произошло. С тех пор как я был простым фермером и учителем, жизнь моя изменилась невероятно! Я оказался вовлечен в дела сложные и опасные и вместе с тем, не побоюсь сказать, судьбо-

носные для всего нашего народа.

Сегодня вечером мы с соратниками вновь соберемся на Холмах Висельника. Место это все больше напоминает осажденный замок. Дни кажутся бесконечными, дорога изматывает. Жизнь моя состоит из тяжелых дневных трудов и тайных походов под покровом ночи. Мне постоянно приходится избегать тех, кто желает нам зла. А таковых немало, и не только среди бывших мятежников. Многие здесь на севере враждебны к нашему делу. В мой адрес часто несутся угрозы, как явные, так и завуалированные.

Сегодня утром меня опять разбудил кошмар. Я не помнил терзавшие меня во сне картины, но, пробудившись, снова заснуть уже не сумел. Лежал не сомкнув глаз до рассвета, размышляя о том, как тяжело хранить тайну. Как же я хочу поделиться ею с остальным миром, однако не сомневаюсь, что последствия, если тайна раскроется, будут весьма трагическими.

Прости меня за этот унылый тон. Я очень скучаю по тебе и сыну и ужасно устал. Завтра, бог даст, надежды снова окрепнут.

Твой нежно любящий

Чарльз

3 мая 1867 года

– Так-так, – задумчиво проговорил Райм. – Что ж за тайна такая? Видимо, она как-то связана со сходками на Холмах

Висельника. «Судьбоносные для всего нашего народа» – наверняка речь о гражданских правах. Та же тема затрагивается в первом письме... И какие такие Холмы?

Его взгляд устремился на карту таро.

– Сейчас посмотрю. – Купер защелкал клавишами. Через минуту он объявил: – Так в девятнадцатом веке назывался район в Северном Вест-Сайде. Включал в себя Блумингдейл-роуд и Восемнадцатую улицу с окрестностями. Блумингдейл-роуд позже стала бульваром, а затем Бродвеем. – Он повернулся от экрана к Райму, приподняв одну бровь. – Совсем рядом отсюда.

– Еще что-нибудь есть?

Купер пробежал глазами по веб-сайту исторического общества.

– Да, карта местности от тысяча восемьсот семьдесят второго года.

Он развернул экран к Райму. Район охватывал большую территорию: крупные поместья, принадлежавшие нью-йоркским магнатам и финансистам, сотни домов поменьше.

– Взгляни-ка сюда, Линкольн. – Купер указал на точку рядом с Центральным парком. – Твой дом. То место, где мы сейчас находимся. Тогда здесь было болото.

– Подумать только!

– Единственная другая ссылка – на «Таймс» за прошлый месяц. В статье говорится об открытии нового архива в Фонде Сэнфорда. Это в старом особняке на Восемьдесят первой.

Райм представил себе большое здание в викторианском стиле рядом с отелем «Сэнфорд». Готической архитектурой и мрачным видом оно напоминало соседнюю «Дакоту», возле которой был убит Джон Леннон.

Купер продолжил:

– Глава фонда, Уильям Эшбери, выступил на церемонии с речью, заметив, насколько изменился Северный Вест-Сайд с тех пор, как звался Холмами Висельника. Больше ничего конкретного.

Слишком много разрозненных фактов, подумал Райм.

Тут компьютер Купера возвестил о приходе электронной почты. Техник прочитал сообщение и посмотрел на присутствующих:

– Так-так, послушайте-ка вот это... кое-что насчет «Иллюстрированного еженедельника для цветных». Сообщение от куратора колледжа имени Букера Т. Вашингтона в Филадельфии. В их библиотеке имелось единственное в стране полное собрание этого журнала, и...

– «Имелось»? – рявкнул Райм. – «Имелось»... Черт побери!

– На прошлой неделе комнату, где хранилась подшивка, уничтожил пожар.

– Есть информация насчет поджога? – спросила Сакс.

– Похоже на случайное возгорание: взорвалась лампочка, искры попали на бумагу. Никто не пострадал.

– Черта лысого это случайное возгорание! Пожар кто-то

устроил!.. А куратор не поделился мыслями, где мы могли бы найти...

– Я как раз собирался сказать.

– Ну так выкладывай!

– В колледже сложилась общая практика сканировать архивные документы и сохранять их в электронных файлах формата pdf.

– Мэл, неужели ты наконец нас порадуешь? Или ты только душу травишь?

Купер несколько раз щелкнул клавишами и указал на экран:

– Вуаля! «Иллюстрированный еженедельник для цветных» от двадцать третьего июля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого.

– Надо же! Давай, Мэл, читай. Не терпится узнать, сумели все-таки мистер Синглтон выплыть живым.

Купер постучал по клавишам. Спустя секунду он водрузил на переносицу очки, наклонился к экрану и начал:

– Ну что, поехали. Заголовок гласит: «Позор. Преступление вольноотпущенника. Ветеран гражданской войны Чарльз Синглтон предаёт наше общее дело своим вопиющим поступком».

«Во вторник, четырнадцатого июля, уголовным судом Нью-Йорка был выписан ордер на арест Чарльза Синглтона, ветерана Гражданской войны, по обвинению в злоумышленном хищении крупной суммы в золотых монетах, а также

других средств из Национального образовательного фонда помощи вольноотпущенникам, находящегося на Двадцать третьей улице в нью-йоркском районе Манхэттен.

Мистер Синглтон сумел проскользнуть сквозь сеть полицейских нарядов, расставленных по всему городу, и, как предполагалось, сбежал в Пенсильванию, где проживает семья его свояченицы.

Однако рано утром во вторник шестнадцатого числа полицейский констебль заметил его идущим в сторону гудзонских доков.

Констебль поднял тревогу, после чего мистер Синглтон бросился бежать, а полицейский пустился в погоню.

Вскоре к преследованию подключились другие защитники правопорядка, а также старьевщики и рабочие-ирландцы, движимые гражданским долгом и надеждой на вознаграждение в пять долларов золотом тому, кто остановит злодея. Путь, который выбрал беглец, пролегал сквозь лабиринты трущоб в районе набережной Гудзона.

Напротив малярной мастерской на Двадцать третьей улице мистер Синглтон споткнулся и потерял равновесие. К нему быстро приближался верховой полицейский; казалось, исход погони предрешен. Однако беглецу удалось вскочить на ноги. Вместо того чтобы мужественно признать вину, он бросился бежать дальше.

На какое-то время он оторвался от преследователей. Но его преимущество оставалось недолгим. Негр-коммивояжер

заметил беглеца с порога одного дома и призвал того остановиться во имя торжества справедливости, присовокупив, что осведомлен о преступлении мистера Синглтона, бросающем тень на всех цветных граждан страны. После чего добропорядочный сын своей нации, некто Уокер Лоукс, швырнул в мистера Синглтона кирпич. Однако мистер Синглтон увернулся от запущенного в него снаряда, снова выкрикнул, что невиновен, и устремился дальше.

Благодаря привычке к тяжелой работе вольноотпущенник оказался вынослив и бежал невероятно быстро. Однако мистер Лоукс дал знать о местонахождении беглеца, и другая группа бдительных полицейских преградила ему путь у причалов рядом с Двадцать восьмой улицей, недалеко от конторы буксирщиков. Обессиленный от погони, беглец привалился к рекламному щиту компании „Свифтшур экспресс“. Детектив, капитан полиции Уильям П. Симс, который два последних дня разыскивал беглеца, направил на мошенника пистолет и приказал ему немедленно сдаться.

То ли решившись на отчаянную попытку избежать правосудия, то ли осознав, что его настигла расплата, и желая покончить с жизнью, мистер Синглтон на глазах у многочисленных свидетелей прыгнул в воды Гудзона. Он что-то кричал, но слов его никто разобрать не сумел».

Райм перебил Купера:

– Это все, что успела прочитать Женева. Что там война! Вот от чего по-настоящему дух захватывает. Слушаем даль-

ше.

– «Беглеца скрыли волны, и все решили, что он погиб. Взяв в одном из соседних доков лодку, трое констеблей начали обыскивать прибрежные воды, дабы удостовериться в смерти негра. В конце концов его обнаружили. Полуживой, он отчаянно прижимал к груди обломок доски и с наигранным, по мнению многих, исступлением выкрикивал имена сына и жены».

– По крайней мере, он выжил, – сказала Сакс. – Женева обрадуется.

– «Его осмотрел хирург, после чего преступника увели. Суд состоялся в прошлый вторник. Было доказано, что Чарльз Синглтон украл банкнот и золота на фантастическую сумму в тридцать тысяч долларов».

– Так я и думал. Мотив – пропавшие деньги, – перебил Райм. – Сколько это по сегодняшним меркам?

Купер уменьшил окно со статьей и, глянув в Интернете, принялся что-то записывать на бумажку. Закончив с расчетами, он поднял глаза.

– На сегодня сумма составила бы около восьмисот тысяч долларов.

Райм крякнул.

– И впрямь фантастическая сумма... Ладно, читай дальше.

– «Швейцар из заведения напротив здания фонда видел, как мистер Синглтон вошел в кабинет с черного хода и через

двадцать минут вышел с двумя большими сумками. Вызванный полицией управляющий фондом обнаружил, что при помощи молотка и стамески, похожими на те, какими владел подсудимый, был взломан сейф марки „Экзетер стронгбау“. Орудия взлома позже нашли неподалеку от здания.

Далее были представлены свидетельства, что во время собраний в городском районе Холмы Висельника мистер Синглтон сумел войти в доверие к таким выдающимся личностям, как Чарльз Самнер, Таддеус Стивенс, Фредерик Дуглас и его сын Льюис Дуглас, якобы для того, чтобы защищать права нашего народа».

– Вот оно – собрания, о которых Чарльз говорит в письме. Значит, дело все-таки касалось гражданских прав. А имена... Должно быть, соратники, о которых говорится в письме. Видно, крупная рыба. Что дальше?

– «Однако, по словам прокурора, мистер Синглтон стремился не защитить права негритянского населения, а подробно узнать о хранящихся в фонде средствах, которыми он мог поживиться».

– Неужели это и была его тайна? – пробормотала Сакс.

– «Во время суда мистер Синглтон хранил молчание. Он заявил только, что не виновен и очень любит жену и сына.

Капитану Симсу удалось отыскать значительную часть украденного. Ходят слухи, что еще несколько тысяч долларов преступник спрятал в тайнике, местонахождение которого раскрыть отказался. При задержании у мистера Сингл-

тона изъяли только сто долларов золотыми монетами».

– Вот тебе и сокровища, – пробурчал Райм. – Жаль, хорошая была теория.

– «Вину подсудимого доказали быстро. Зачитывая приговор, судья призвал его вернуть остаток похищенных средств, но преступник вновь отказался раскрыть местонахождение тайника, утверждая, что не виновен и что деньги, изъятые при задержании, подкинули ему после ареста. Тогда судья постановил конфисковать и продать собственность подсудимого, чтобы, насколько возможно, возместить нанесенный ущерб, а самого преступника приговорил к пяти годам заключения».

Купер отодвинулся от монитора.

– Собственно, вот и все.

– Неужели кому-то понадобилось прибегать к убийству ради того, чтобы скрыть эту историю? – спросила Сакс.

– Хороший вопрос... – Райм уставился в точку на потолке. – Итак, что нам известно о Чарльзе? Учитель и ветеран Гражданской войны. Владел фермой на окраине Нью-Йорка, где возделывал сад. Был арестован и осужден за кражу. Хранил некую тайну, раскрытие которой могло привести к трагическим последствиям. Посещал сходки на Холмах Висельника. Участвовал в движении за гражданские права, водил дружбу с крупными политиками и правозащитниками своего времени.

Райм подкатился поближе к монитору и посмотрел на

экран. Связи между теми событиями и делом по объекту 10-9 он не видел.

У Селитто зазвонил телефон. Толстяк ответил, и брови его поползли вверх.

– Хорошо, спасибо. – Он отключился, посмотрел на Райма. – Есть!

– Что «есть»? – спросил Райм.

– Одна из команд по опросу свидетелей нашла магазинчик на Малберри-стрит в Маленькой Италии, примерно в половине квартала от места проведения ярмарки в День Колумба. Кассирша запомнила белого мужчину средних лет, который несколько дней назад купил как раз то, что было в наборе насильника. Из-за шапки.

– На нем была шапка?

– Нет, он ее купил. Вязаную спортивную шапочку. Продащица вспомнила его потому, что он, примеряя, натянул шапку себе на лицо. Она заметила это в обзорном зеркале. Решила, что тот замышляет ограбление. Но мужчина шапочку снял, бросил в корзину с остальными вещами, расплатился и вышел.

Не иначе недостающий предмет за пять девяносто пять на кассовом чеке. Хотел убедиться, что подойдет в качестве маски.

– Вероятно, той же шапкой он стер отпечатки. Как его зовут, она знает?

– Нет, но может дать подробное описание.

Сакс оживилась:

– Сейчас сделаем фоторобот, и можно искать. – Она схватила сумочку, однако, дойдя до двери, заметила, что Селитто рядом нет, и обернулась. – Лон, ты идешь?

Селитто как будто не слышал. Когда она повторила вопрос, он заморгал и с кривой улыбкой убрал руку от щеки.

– Да, извини. Конечно, пойдем, прищучим ублюдка.

МУЗЕЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Набор насильника:

• Карта таро, двенадцатая в колоде: «Повешенный». Означает духовные поиски.

• Пакет с изображением смайлика.

• Отследить невозможно.

• Перочинный нож.

• Презервативы «Троян».

• Клейкая лента.

• Жасминовый запах.

• Неустановленный предмет стоимостью \$5.95. Вероятно, вязаная шапочка.

• Кассовый чек из небольшого универсама в пределах Нью-Йорка.

• Покупка, вероятно, сделана в магазине на Малбери-стрит в Маленькой Италии. Подозреваемого по словесному портрету опознала сотрудница магазина.

Отпечатки пальцев:

- Подозреваемый был в латексных или виниловых перчатках.

- Проверка отпечатков, оставленных на предметах из набора насильника, по базе IAFIS совпадений не выявила.

Отпечатки принадлежат человеку с маленькими руками, вероятно женщине-продавцу.

Трасологические следы:

- Хлопчатобумажные волокна со следами человеческой крови. Удавка?

- Производитель не определен.

- Запрос по образцам крови отправлен в CODIS.

- Совпадений ДНК по CODIS не выявлено.

- Частицы попкорна и сахарной ваты со следами собачьей мочи.

- Вероятная связь с карнавалом или уличной ярмаркой.

В управлении дорожной полиции запрошена информация о выданных разрешениях.

Получен ответ. Проводится опрос свидетелей вблизи от мест проведения мероприятий.

- Подтвердившееся место мероприятия – район Маленькая Италия.

Орудия преступления:

- Дубинка или ручной снаряд, используемый как оружие

в боевых искусствах.

- Пистолет 22-го калибра производства «Норт американ армз», модель «Черная вдова» или «Мини-мастер».
- Самодельные пули с высверленной полостью; заполнены иглами.

Совпадений по базам IBIS и DRUGFIRE не выявлено.

Мотив:

- Не установлен. Изнасилование, очевидно, инсценировано.
- Истинной целью, вероятно, являлась кража микрофиши с выпуском «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и убийство Ж. Сеттл из-за проявленного ею интереса к статье из этого номера. Мотив не установлен. В статье рассказывалось о Чарльзе Синглтоне, предке потерпевшей (см. ниже).
- По словам убитого библиотекаря, кто-то еще интересовался той же статьей.
- Проверка записей телефонных звонков жертвы на месте работы.
- Результаты не принесла.
- Опрос сотрудников библиотеки касательно лица, интересовавшегося статьей.
- Результаты не принес.
- Поиск копии журнала.
- По сообщениям из некоторых архивов, кто-то еще проявлял интерес к статье. Личность интересующегося устано-

вить не удалось. Большинство копий журнала либо пропало, либо уничтожено. Сохранился один экземпляр (см. ниже).

- Заключение: жизнь Ж. Сеттл, вероятно, по-прежнему под угрозой.

Сходные случаи по результатам запроса в ViCAP и NCIC:

- Убийство в Амарилло, штат Техас, пять лет назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как ритуальное, истинный мотив неизвестен).

- Убийство в Огайо три года назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как сексуальное, но скорее всего, носит заказной характер). Утрачены материалы дела.

ПОРТРЕТ ОБЪЕКТА 10-9

- Белый мужчина.

- Рост 6 футов, вес около 180 фунтов.

- Голос непримечательный.

- Симулировал разговор по сотовому, чтобы подобраться к жертве.

- Носит светло-коричневые прогулочные туфли марки «Басс», 11-го размера; куплены не менее 3 лет назад. Правая ступня скошена наружу.

- Сопутствующий жасминовый запах.

- Темные брюки.
- Лыжная шапочка темного цвета.
- Для отвлечения внимания готов стрелять в случайных людей.
- Скорее всего, наемный убийца.

ПОРТРЕТ ЗАКАЗЧИКА НАПАДЕНИЯ

- На данный момент информация отсутствует.

ПОРТРЕТ ЧАРЛЬЗА СИНГЛТОНА

- Бывший раб, предок Ж. Сеттл. Женат, имел одного сына.

В подарок от бывшего хозяина получил ферму в штате Нью-Йорк. Работал учителем. Стоял у истоков движения в защиту гражданских прав.

- В 1868 году осужден по обвинению в краже (по архивным материалам на похищенной микрофише).
- По собственному признанию, хранил некую тайну, которая, возможно, имеет отношение к текущему делу. Опасался, что, если тайну предать огласке, случится трагедия.
- Посещал собрания в нью-йоркском районе, ранее известном как Холмы Висельника.
- Возможно, участвовал в рискованных предприятиях.

Приписываемое преступление, по материалам «Иллюстрированного еженедельника для цветных»:

- Арестован детективом Уильямом Симсом по обвинению

в краже крупной денежной суммы из нью-йоркского Фонда для вольноотпущенников. По свидетельским показаниям, Чарльза видели выходящим из здания вскоре после того, как был взломан сейф.

Неподалеку найдены принадлежащие ему инструменты – орудия взлома.

Основную часть похищенного удалось вернуть. Приговорен к пяти годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна. Считалось, что Чарльз использовал свои связи с лидерами движения, чтобы получить доступ к средствам фонда.

Письма Чарльза:

- Письмо первое, адресовано жене.

Тема: бунты против призыва в 1863 году, вспышка ненависти по отношению к чернокожим в штате Нью-Йорк, линчевания, поджоги.

Угроза собственности, принадлежащей чернокожим.

- Письмо второе, адресовано жене.

Написано накануне битвы при Аппоматтоксе в конце войны Севера и Юга.

- Письмо третье, адресовано жене.

Чарльз участвует в движении по защите гражданских прав. Получает угрозы. Обеспокоен необходимостью хранить тайну.

Глава 10

В двадцатых годах прошлого века в Нью-Йорке зародилось новое негритянское движение, которое позже назвали Гарлемским ренессансом.

В этот период возникла целая плеяда выдающихся мыслителей, художников, музыкантов и в особенности писателей, которые изображали жизнь чернокожих не с точки зрения «белой» Америки, а под собственным углом восприятия. В числе представителей этого новаторского течения были интеллектуалы – Маркус Гарви и Уильям Эдуард Бёркхарт Дюбуа, писатели – Зора Нил Хёрстон, Клод Маккей и Каунти Каллен, живописцы – Уильям Г. Джонсон, Джон Т. Биггерс, и, конечно, музыканты – Дюк Эллингтон, Жозефина Бейкер, Уильям Кристофер Хэнди, Юби Блейк. Без них невозможно представить себе эпоху.

В пантеоне столь ярких имен трудно кого-нибудь выделить, но если чей-то голос и звучал выразительнее других, то он принадлежал прозаику и поэту Лэнгстону Хьюзу.

Сегодня по всей стране наберется немало связанных с его именем мест, но больше всего он мог бы гордиться четырехэтажным кирпичным зданием на Сто тридцать пятой улице в Гарлеме.

Школу имени Лэнгстона Хьюза не обошли стороной общие проблемы: постоянная нехватка свободных мест и фи-

нансирования, отчаянная борьба за то, чтобы найти и удержать хороших учителей... как, впрочем, и учеников. А еще низкая успеваемость, насилие, наркотики, банды, подростковая беременность, злостные прогулы занятий. Но из ее стен выходили также юристы, предприниматели, врачи, ученые, писатели, танцоры, политики и музыканты. Школа могла гордиться своими командами-чемпионами, десятками кружков и клубов.

Однако для Женева Сеттл школа Лэнгстона Хьюза была куда большим – источником спасения, островком безмятежности. Когда впереди показались обшарпанные кирпичные стены, тревога и страх, осаждавшие ее после ужасного происшествия в музее, значительно поубавились.

Детектив Белл остановил машину и огляделся. Не заметив ничего подозрительного, он позволил пассажирам выйти наружу. Затем повернулся к новичку, мистеру Пуласки, и кивком указал на угол улицы:

– Жди здесь.

– Слушаюсь, сэр.

– Вам тоже лучше здесь подождать, даже нужно, – сказала Женева.

Белл усмехнулся:

– Я все-таки поболтаюсь рядом, если не возражаешь. И даже если возражаешь, думаю, мы все равно прогуляемся вместе. – Он застегнул куртку, чтобы не видны были пистолеты, и демонстративно приподнял учебник социологии.

Женева только поморщилась, и они направились к школе.

Перед рамкой детектора девушка предъявила пропуск, а детектив Белл незаметно показал охраннику полицейскую бляху и проскользнул рядом, не проходя через детектор. Была перемена перед пятым уроком, который начинался в 11:37. В коридорах толклись множество учеников. Одни направлялись в кафетерий, другие – подышать воздухом на школьный двор или в закусовые на улице. Слышались шутки, заигрывания, обзывания. Кое-где вспыхивали легкие потасовки. В общем, царил настоящий хаос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.